

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-315-366>
<https://elibrary.ru/SWKGFZ>
УДК 821.111.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Ольга ПАНОВА
«ТОЧКА СБОРКИ»: «ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА»
Г. БИЧЕР-СТОУ И АМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ
МОДЕЛЬ ЧЕРНОЙ РАСЫ

Аннотация: Роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» (1852), ставший самым авторитетным художественным высказыванием по расовому вопросу в США в XIX в., как в фокусе собрал все, чем на тот момент владела национальная традиция в плане осмысления проблемы рабства и, шире, расовой проблемы. Уже в XVIII в. в англо-американской литературной традиции складывается культурная модель черной расы, которая развивается и обогащается на протяжении всей американской (и афроамериканской) литературной истории. Роман «Хижина дяди Тома» стал вторым (после «Записок о Виргинии» Т. Джефферсона) ключевым текстом в становлении этой модели, которая после 1852 г. обретает новое качество — она становится универсальной для США, будучи при этом объектом полемики, что сообщает ей динамичность и постоянную плодотворную трансформацию. Свидетельствами тому служат как феномен романов «против Тома», так и рецепция «Хижин дяди Тома» в афроамериканской традиции. В статье анализируется роман Кэролайн Ли Хенц «Северная невеста плантатора» (1854) — типичный образчик литературы «против Тома», который дает представление о реакции адептов рабовладения на произведение Г. Бичер-Стоу. В заключительной части статьи прослеживаются основные этапы осмысления и интерпретации романа Г. Бичер-Стоу в афроамериканской критике: от полемики Мартина Делани и Фредерика Дугласа (1853) до предложенной крупнейшим историком и теоретиком афроамериканской литературы Г.Л. Гейтсом «подрывной» трактовки (в духе разработанной им концепции «двухголосия»), нацеленной на ревизию феномена и исторической роли аболиционизма, что характерно для афроамериканских исследований 1990–2000-х гг.

Ключевые слова: Гарриет Бичер-Стоу, «Хижина дяди Тома», Кэролайн Ли Хенц, «романы против Тома», афроамериканская литературная критика, Джеймс Болдуин, Генри Луис Гейтс-мл., американская культурная модель черной расы, аболиционизм, история литературы США.

Информация об авторе: Ольга Юрьевна Панова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>.
E-mail: olgapanova65@gmail.com.

Для цитирования: Панова О.Ю. «Точка сборки»: «Хижина дяди тома» Г. Бичер-Стоу и американская культурная модель черной расы // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 315–366. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-315-366>.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-315-366>
<https://elibrary.ru/SWKGFZ>

UDC 821.111.0

Olga PANOVA

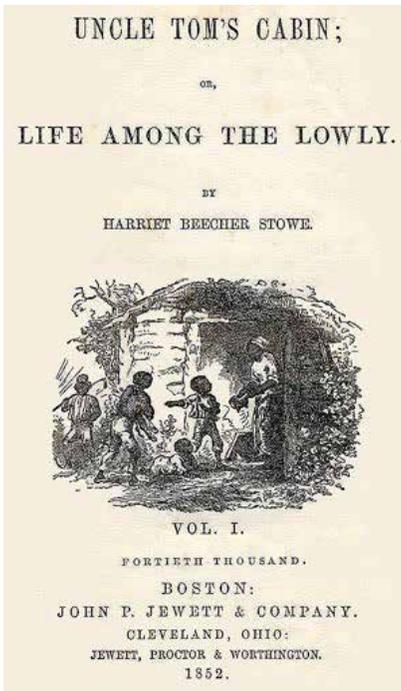
ASSEMBLAGE POINT:
UNCLE TOM'S CABIN AND THE AMERICAN
 RACIAL / CULTURAL IDENTITY MODEL

Abstract: Harriet Beecher Stowe's novel *Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly* (1852) being the most powerful statement on the racial issue in the 19th century American literature, succeeded to incorporate and rethink everything that the national tradition had in stock on the problem of slavery and race relations. The Black racial / cultural identity model that was taking shape in the 18th century Anglo-American literature, later was being enriched and transformed throughout American (and African-American) literary history. *Uncle Tom's Cabin* became another crucial text (the next one after Jefferson's *Notes on the State of Virginia*) that provided the emerging Black cultural / racial identity model with a new quality: it became universal, nationally recognized — and at the same time a point of controversy provoking endless debates and open for dynamic change and transformations, as was the case with anti-Tom literature and the ambivalent reception of *Uncle Tom's Cabin* in African American literary tradition. The analysis of *The Planter's Northern Bride* (1854) by Caroline Lee Hentz, a typical example of anti-Tom novels, gives an idea of the pro-slavery response to *Uncle Tom's Cabin*. The final part of the paper is a survey of the main stages in African American response since the 1853 argument between Martin Delany and Frederick Douglass that became a matrix for the further polemic, and up to Henry Louis Gates's subversive "double-voiced" interpretation of the novel which is in full agreement with the tendency to revise the role of white Abolitionists in the antislavery movement and African American history, typical for African American studies in the 1990s–2000s.

Keywords: Harriet Beecher Stowe, *Uncle Tom's Cabin*, Caroline Lee Hentz, anti-Tom novels, African American literary criticism, James A. Baldwin, Henry Louis Gates Jr., American racial / cultural identity model, Abolitionism, American literary history.

Information about the author: Olga Yu. Panova, Doctor Hab. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, building 51, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>. E-mail: olgapanova65@gmail.com.

For citation: Panova, Olga. "Assemblage Point: *Uncle Tom's Cabin* and the American Racial / Cultural Identity Model." *Literature of the Americas*, no. 13 (2022): 315–366. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-13-315-366>.

Роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» (1852)¹, ставший самым авторитетным художественным высказыванием по расовому вопросу в США в XIX в., как в фокусе собрал все, чем на тот момент владела национальная традиция в плане осмысления проблемы рабства и, шире, расовой проблемы.

Уже в XVIII в. в англо-американской литературной традиции складывается культурная модель черной расы, которая развивается, обогащается и трансформируется на протяжении всей американской (и афроамериканской) литературной истории [Панова 2014в: 50–74]. Роман «Хижина дяди Тома» стал вторым (после «Записок

о Вирджинии» Т. Джефферсона) ключевым текстом в становлении этой модели, «точкой сборки» всех элементов ее «несущей конструкции». После 1852 г. американская культурная модель черной расы обретает новое качество — она становится универсальной для США, будучи при этом объектом полемики, что сообщает ей динамичность и постоянную плодотворную трансформацию.

В жанровом и стилистическом отношении роман Г. Бичер-Стоу соединяет публицистические элементы с сентименталистскими и романтическими приемами, бытописание и жизнеподобие — со

¹ Первое изд.: Beecher Stowe, Harriet. *Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly*: 2 vols. Boston, MA; Cleveland, OH: Jewett, Proctor, and Worthington, 1852. Все ссылки на текст романа даны в скобках с пометой «ХДТ» по изд.: Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных / пер. с англ. Н.А. Волжиной, под ред. В.М.Толмачёва. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. В статье использованы иллюстрации из изданий романа XIX в.: London: Nathaniel Cooke, 1853 (художники Дж. Томас, Т. Маккой, У. Томас); Boston: John P. Jewett and Co., 1853 (худ. Х. Биллингс), Cambridge, MA: Riverside Press, 1892 (худ. Э.В. Кембл); Art Memorial Edition. Chicago: Monarch Book Company, 1897 (худ. Экман, Э. Тэтчер), Philadelphia: International Publishing Co., 1897 (худ. Дж. Гистром-Ступендааль).

стилизацией, условностью и гротеском; проповедь и дидактика соседствуют с политической либеральной риторикой, полемика вокруг закона о беглых рабах — со сценками в духе минстрел-шоу. Глубокая укорененность в традиции, узнаваемость отдельных элементов и их талантливое соединение в единое и убедительное художественное целое — одно из объяснений популярности и силы воздействия романа.

Основные контексты, в которых должен пониматься роман, достаточно хорошо исследованы (см. например: [Толмачёв 2010; Морозова 2000; Орлова 1971; Gosset 1985; UTC]). С. Рейлтон, создатель учебно-исследовательского ресурса Университета Вирджинии «“Хижина дяди Тома” и американская культура. Мультимедийный архив» [UTC], выделяет «христианские тексты» (библейский текст, гимны, «Путь паломника» Дж. Баньяна, проповеди, сочинения на религиозно-нравственные темы², памфлеты, назидательные повести и рассказы, публиковавшиеся, например, Американским евангелическим обществом (American Tract Society), милленаристские тексты У. Миллера и его последователей и т. д.); аболиционистскую литературу (сочинения Л. Марии Чайльд, публицистика участников American Antislavery Society, материалы аболиционистской прессы, «Рабство в Массачусетсе» Г. Торо, дискуссии в прессе вокруг проекта «колонизации Африки», издания Американского колонизаторского общества, аболиционистские стихи и песни³, невольничьи повествования⁴ и т. д.), плантаторский роман и южную апологетическую публицистику, «сентиментальную культуру»⁵, минстрел-шоу.

² Gardiner, Spring D.D. *The Attraction of the Cross; Designed to Illustrate the Leading Truths, Obligations and Hopes of Christianity*. New York: American Tract Society, 1845; Upham, Thomas C. *Principles of the Interior or Hidden Life; Designed Particularly for the Consideration of Those Who Are Seeking Assurance of Faith and Perfect Love*. Boston, MA: Waite, Peirce, and Company, 1845; Phoebe, Palmer. *The Way of Holiness*. New York: Palmer & Hughes, 1845.

³ См. сборник песен, составленный У. Уэллсом Брауном: *The Anti-Slavery Harp; A Collection of Songs for Anti-Slavery Meetings*. Compiled by William Wells Brown, A Fugitive Slave. Boston, MA: Bela Marsh, 1848.

⁴ Опорными текстами для романа послужили повествования Джосайи Хенсона и Льюиса и Мильтона Кларк: *The Life of Josiah Henson, Formerly a Slave, now an Inhabitant of Canada, as Narrated by Himself*. Boston, MA: Arthur D. Phelps, 1849; *Narratives of the Sufferings of Lewis and Milton Clarke, Sons of a Soldier of the Revolution, during a Captivity of More than Twenty Years among the Slaveholders of Kentucky, one of the so called Christian States of North America. Dictated by Themselves*. Boston, MA: Bela Marsh, 1846.

⁵ С. Рейлтон приводит тексты песен для домашнего музицирования, посвященные детям, семье, дому (“Home, sweet home”, “The True heart of woman”

При всем том, «Хижина дяди Тома» прочитывалась современниками прежде всего в актуальном общественном контексте — как ответ на принятие Конгрессом закона о беглых рабах (1850) и, шире, в рамках дебатов о рабовладении, «колонизации Африки» (то есть репатриации негров), отношениях Севера и Юга. Подавляющее большинство откликов в прессе — реакция на общественную значимость романа, который, в полном соответствии с канонами аболиционистской литературы, изобилует публицистическими вставками, дискуссиями персонажей или монологическим изложением их позиции; нередко автор-повествователь берет слово для дидактических целей или для моральной оценки. Бичер-Стоу использует дискуссии между персонажами, однако это крайне редко бывает настоящим спором оппонентов (чуть ли не единственное исключение — спор братьев Сен-Клер, «аристократа» Альфреда и «демократа» Огюстена в 23 главе). У рабства в романе нет достойных, серьезных апологетов — вряд ли ими могут считаться ограниченная и бездушная кукла Мари Сен-Клер, омерзительный работорговец Хейли или inferнальный Легри; лучшие из рабовладельцев — супруги Шелби, Сен-Клер — вовсе не являются сторонниками рабства, скорее, напротив. Главным разоблачителем рабовладения как величайшего греха, морального и общественного зла становится персонаж, который по канонам плантаторского романа должен был бы защищать его — Огюстен Сен-Клер. В «Ключе к “Хижине дяди Тома”» (1853) Бичер-Стоу называет «великодушного и благородного Сен-Клера» «братом-южанином», единомышленником⁶.

Чтобы иметь возможность вложить в его уста аргументы против рабства, писательница трансформирует традиционный для литературы Юга образ-амплуа благородного джентльмена-плантатора. Сен-Клер — это обаятельный «падший ангел», романтический разочарованный опустошенный герой с разбитым сердцем и роковой

и т. п.), книги по домоводству (например, Beecher, Catharine Esther. *A Treatise on Domestic Economy, For the Use of Young Ladies at Home, and At School*, 1842; Child, Lydia Maria. *The American Frugal Housewife*, 1828), сентиментальную поэзию о страданиях, изгнанниках, смерти детей — «маленьких ангелов», например, баллада «Снежная буря» (“Snow Storm”, 1843), «Еванджелина» (1847) Г.У. Лонгфелло, «Безгрешное дитя» (“Sinless Child”, 1843) Элизабет Смит, сентиментальные романы женщин-писательниц, например, Фанни Ферн и Грейс Гринвуд.

⁶ Beecher Stowe, Harriet. *The Key to Uncle Tom's Cabin; Presenting the Original Facts and Documents Upon Which the Story Is Founded, Together with Corroborative Statements Verifying the Truth of the Work*. Boston, MA: John P. Jewett and Co., 1853: 61. Далее ссылки на это изд. даны в тексте статьи в скобках с пометой «KUTC».

тайной в прошлом, скрывающий свои лучшие качества под маской иронии и скептицизма, атеист по убеждениям, христианин на практике. Несмотря на трогательную историю о погибшей любви и разбитом сердце, «падшим ангелом» Сен-Клера в первую очередь делает несовместимость его убеждений, присущей ему впечатлительности и чуткости в вопросах морали с его общественным положением и с «кодексом рабовладельца». Он вынужден существовать в системе, которую считает злом, и делать то, что искренне считает дурным, — отсюда его маска равнодушия, скепсиса и легкомыслия.

Огюстен Сен-Клер, плантатор-аристократ по рождению, становится у Бичер-Стоу апологетом демократии. Спор в главе 23-й двух братьев — Альфреда и Огюстена, по своим убеждениям аристократа и демократа соответственно, демонстрирует нам первый тип как цельный и статичный, второй — как страдающий от внутренней схизмы. Аристократ фетишизирует внешние (социальные, расовые и пр.) различия между людьми, слепо следует кодексу, рассматривая человека как функцию в общественной «сетке», расчерченной и размеченной различными границами и барьерами. Тема расовой границы как дегуманизирующего фетиша особенно выразительно звучит у Бичер-Стоу в связи с концептом «аристократизма»:

Огюстен Сен-Клер.

Аристократы одинаковы во всем мире: в своих отношениях с людьми они не переступают определенных границ... Моему отцу такой границей служил цвет человеческой кожи. Среди равных ему вы не нашли бы существа более щедрого, справедливого, но негров... он считал лишь промежуточным звеном между человеком и животными и согласно этой теории строил свое представление о справедливости и великодушии [ХДТ: 389, 391–392].

Аристократизм — родимое пятно европейского средневековья, наследие «темных веков», противоречащее просветительски-демократическому мессианскому новосветному комплексу. Демократия

ставит во главу угла человека, исповедуя гуманизм, выраженный в первой из демократических заповедей — люди рождаются равными, то есть в равной мере наделенными Создателем естественными правами. Христианский демократизм Бичер-Стоу считает бессмертную душу каждого человека главной ценностью и залогом равенства — ибо каждая душа равно дорога Творцу.

Поручая аристократу по рождению, демократу по убеждениям Сен-Клеру разоблачение рабства (главы 19 и 23), Бичер-Стоу влагает в его уста традиционные аболиционистские аргументы, сочетая их в то же время с некоторыми общими местами, использовавшимися южными апологетами в полемике с аболиционистами. Речь Сен-Клера об угнетенном черном брате Квоши могла бы быть напечатана в журнале У.Л. Гаррисона *The Liberator*; при этом Сен-Клер постоянно сравнивает положение лично свободного пролетария в Англии с положением негра-раба на Юге не в пользу первого — точь-в-точь, как это делали апологеты рабовладения [ХДТ: 384–385, 396–402].

Аргументы приводятся классические, апробированные традицией — *библейские* (рабство проклято Богом), *цивилизационные* (рабство — не путь приобщения отсталых рас к цивилизации, но закрепление отсталости, невежества, варварства, темноты, пороков), *моральные* («наши законы позволяют любому грубому, отгалкивающему, подлому, низкому человеку вершить судьбы мужчин, женщин, детей...») [ХДТ: 386], *экономические* (неэффективность рабского труда, невозможность продуктивного труда без оплаты)⁷, *социальные* (рабство создает угрозу социального взрыва). Огюстен приводит в пример восстание рабов на Гаити (1791–1803), ставшее кошмаром американских плантаторов, и сравнивает положение рабовладельца с человеком, который сидит на плотно закрытой крышке кипящего котла, рискуя в любой момент взлететь на воздух.

Типично в романе и противопоставление южан и северян (вермонтская мисс Офелия — Сен-Клеры), однако занятая «характерология» в конечном итоге выводит на нештучную проблему различий Севера и Юга, которые могут стать причиной трагического раскола страны. Пробным камнем здесь снова становится отношение

⁷ Сен-Клер признается: «... я неизменно сочувствовал лентяям, и когда эти злосчастные бездельники подкладывали камни на дно корзин с хлопком, чтобы было потяжелее, или набивали мешки землей и только сверху прикрывали ее хлопком, я не позволял давать им плетей за это, потому что сам поступал бы точно так же на их месте» [ХДТ: 399–400].

к рабовладению и неграм. Бичер-Стоу фиксирует парадоксальную ситуацию на основе инверсии принципа и реальной практики / опыта. Демократический Север осуждает рабство, однако эгалитаризм и демократизм остаются на Севере абстрактными идейными «головными» принципами, на практике же имеет место самый настоящий расизм. Отвращение и брезгливость, с которой мисс Офелия относится к неграм (на Топси она смотрит как на «отвратительного паука» и не может прикоснуться к девочке без дрожи), резко контрастируют с бытовым демократизмом южан, с их привычкой к тесному повседневному эмоциональному и тактильному контакту с черной расой. Мисс Офелия негодует, видя Еву, сидящую на коленях у Тома; однако не только ребенок, этот «подлинный демократ», но и Огюстен, и Мари Сен-Клер, и Шелби, и даже Саймон Легри, как и все южане, считают нормой, что черные руки постоянно прикасаются к ним — одевают их, укладывают им волосы, готовят еду, нянчат их детей и т.д. При этом бытовой демократизм сочетается на Юге с идейным расизмом: здесь никто никогда не признает негра ровней себе.

Мисс Офелия и Топси.

Том укачивает больную Еву.

Отрицая неравенство белых и негров перед Создателем, рабовладение и дискриминацию в обществе, Бичер-Стоу подчеркивает расовые отличия, утверждая идею инаковости, несхожести черных и белых, что ставит под вопрос возможность их сосуществования в рамках одной цивилизации. Эта топика, столь важная для литературы рубежа XIX–XX вв., к 1850-м уже вполне сложилась, что отчетливо видно у Бичер-Стоу. Характерный пример — знаменитая сцена сравнения двух девочек, Евы и Топси, каждая из которых воплощают дух своей расы и ее историческую судьбу:

Друг против друга стояли два ребенка... Белокурая, утонченного воспитания, полная благородства девочка с большими глазами,

с одухотворенным челом, и ее ближняя — чернушка, хитрая, пронырливая, раболепная и смышленная. Каждая из них представляла свою расу. Одну — англо-саксонскую, с вековой культурой, привыкшую властвовать, славящуюся своими высокими моральными и физическими качествами. Другая — африканскую, знавшую лишь вековое угнетение, покорность, невежество, тяжкий труд и пороки» [ХДТ: 424].

Примечательно, что попытка, вполне соответствующая духу романтизма, эпохи рождения историзма, «сотворения наций», национального «гения», определить особенности негров как особой расы и особого народа была заклеяна в афроамериканистике как приверженность расистским стереотипам, «романтический расизм» (romantic racialism). Разумеется, попытки Би-

Ева и Топси.

чер-Стоу описать «гений расы» в известной степени предвосхищают эпоху рубежа XIX–XX вв.; однако нельзя не заметить качественное отличие романтических определений «гения расы» — и расовых теорий прогрессивистской эры, создававшихся в новых социальных условиях и под влиянием биологического детерминизма, дарвинизма, евгеники [Панова 2014 в]. В контексте середины XIX в. попытки Бичер-Стоу определить «гений черной расы», «расовый характер» негров, интерес к их истории, начиная с древней Африки, являются расизмом не более, чем стремление описать особенности северного и южного характера через сравнение Офелии и Огюстена, вермонтских родственников с новоорлеанскими. Тем не менее обвинение или, в лучшем случае, констатация приверженности Бичер-Стоу так называемому «романтическому расизму» после известной монографии Дж. Фридриксона [Fredrickson 1971] стало общим местом.

В «Хижине дяди Тома» портрет черной расы получается не только комплиментарным — как, впрочем, и портрет расы белой. Негритянские персонажи оказываются в романе Бичер-Стоу среди главных героев — и в этом отличие аболиционистского романа от романа плантаторского, где черные персонажи — только статисты, готовые ампула, минстрел-маски, часть местного колорита. Тем не менее на первом плане находятся представители белой расы и те нравственные

и общественные проблемы, которые стоят перед ними — и в этом отличие «Хижина дяди Тома» от невольничьих повествований, послуживших для нее материалом: «...в центре «Хижина дяди Тома» лежит дилемма, с которой сталкивается белый американец, поскольку он должен занять определенную позицию по отношению к закону о беглых рабах и по отношению к рабству» [Yellin 1972: 131–132]. Книга Бичер-Стоу написана белым автором и главным образом для белых.

Типы большинства белых персонажей вполне каноничны⁸ — за исключением Огюстена Сен-Клера. Добрые хозяева, настоящие христиане Шелби — южный джентльмен и «благовоспитанная леди» (*gentle lady*), Мари Сен-Клер — карикатурно заостренный тип капризной южной красавицы (*Southern belle*) — готовые маски-амплуа плантаторских романов. Грубый, вульгарный и самодовольный работороговец Хейли⁹, охотники за неграми Макс и Том Локер, жестокий деспот на-

Мари Сен-Клер.

дсмотрщик Стаббс, «здоровенный детина с железными кулаками» [ХДТ: 390] типичны для аболиционистской литературы. Инфернальный злодей Легри, как и маленький ангел Ева, созданы в духе романтических и сентименталистских клише. Мисс

Офелия — образ более сложный, в нем сочетаются два типа: убежденный аболиционист и набожный лицемер. Бичер-Стоу создала целую галерею второстепенных персонажей-аболиционистов (квакеры, юный Джордж Шелби, «стихийные аболиционисты» — сенатор Берд с супругой, мистер Уилсон).

⁸ О «клишированности» персонажей романа см.: [Толмачёв 2010: 29].

⁹ В 2 и 3 главах «Ключа...», посвященных образам Хейли и четы Шелби, в числе источников названы «Письма с Юга» (1817) Дж. К. Полдинга: Paulding, James Kirke. *Letters from the South Written During an Excursion in the Summer of 1816*: 2 vols. New York: Published by James Eastburn & Co, 1817.

Белая раса — «твердая, привыкшая повелевать» (*hard and dominant*), противопоставляется в романе африканской расе — «мягкой и беззащитной» (*soft and helpless*). Грех, который совершают белые, оказывается еще более жестоким и отвратительным благодаря свойствам черной расы — «народа мягкого, кроткого, умеющего полагаться на силу более могучего интеллекта и на власть, сосредоточенную в других руках, — народа, по-детски привязчивого и незлобивого» [ХДТ: 318]. В романе Бичер-Стоу модель, основанная на топосе «негр — дитя» и прочей восходящей к Джефферсону топике черной расы, предстает в своем классическом виде. Типичные пороки негров, «невоспитанных, испорченных детей», о которых неоднократно говорится в романе, — лень, воровство, лживость, притворство, раболепие, чревоугодие — объясняются разлагающим влиянием рабства.

Негритянские дети с молоком матери впитывают уверенность, что прямые пути для них заказаны. Они лукавят с родителями, с хозяйкой... Хитрость, лживость неизбежно входят у них в привычку. Ничего другого от негритянского ребенка и ожидать нельзя... Что же касается честности, то ведь мы относимся к невольникам, как почти что детям и держим их в таком зависимом положении, что они не понимают права собственности и поэтому им ничего не стоит протянуть руку к хозяйскому добру. Я, например, не представляю себе, как они могут быть честными» [ХДТ: 370].

Рабством объясняется и отвращение к труду, лень:

Покажите мне того, кто желал бы трудиться с раннего утра до позднего вечера под неусыпным хозяйским оком... не знать ничего, кроме унылого, тяжелого, однообразного труда — и что получают за это? Одну пару штанов, да пару башмаков в год да скудную пищу...» [ХДТ: 396].

Рабство порождает и сексуальную распущенность — этот топос аболиционистской литературы активно задействуется Бичер-Стоу: невозможность христианского брака для рабов (история Джорджа и Элизы Гаррис), конкубинат (история Касси и Эммелины). У Бичер-Стоу снова возникает «перевернутая ситуация» по отношению к плантаторскому роману: традиционный тезис о рабстве как родительско-детском типе отношений, об ответственности хозяина

за рабов, о необходимости патернализма, руководства неграми, их христианизации и социализации отстаивает северянка Офелия, а южанин Сен-Клер считает, что подобный тип отношений с неграми не может существовать при рабстве: «...наша социальная система ничего, кроме варварства и жестокости преподать им не может. Мы повинны в том, что негры из-за нас теряют человеческий облик и превращаются в животных» [ХДТ: 461]. Сен-Клер утверждает невозможность христианского воспитания рабов, которым немислимо предъявлять те же моральные требования, что и свободному человеку. Имея дело с «ордой обленившихся, распущенных, бестолковых негров» [ХДТ: 390], хозяин может либо принимать это как должное (выбор Сен-Клера), либо прибегать к жестокости.

Та же истина звучит из уст других добрых хозяев — Шелби. Невозможность для рабов и хозяев следовать христианским заповедям несколько раз прямо декларируется в романе, например:

— Я учила наших негров, что их брак священен так же, как и наш...

— Ну что ж, Эмили, приходится только жалеть, что вы обременяете негров нравственными устоями, которые им совсем не по чину.

— Это нравственные устои Библии, мистер Шелби.

— ...не буду спорить с вами о ваших верованиях, но, по-моему, они совсем не подходят тем, кто находится в положении негров.

— Да, разумеется, — сказала миссис Шелби, — и потому мне так ненавистно рабовладительство [ХДТ: 438].

Противоположная концепция вложена в уста деспота-аристократа Альфреда Сен-Клера: пороки негров — отличительное свойство низшей расы, оттеняющее благородство и величие расы высшей: «Англосаксонская раса — вот кто истинный властелин мира, и так будет всегда! [...] у наших мальчиков вырабатывается мужественный, смелый характер, а пороки низшей расы укрепляют в них добродетели» [ХДТ: 460–464].

Характерно, что, указывая на пороки негров, «аристократы» Альфред и Мари Сен-Клер резко возражают против того, чтобы давать неграм образование, развивать и воспитывать их. Топос грамотности и образования занимает важное место в романе. Проблема образования для негров связана, прежде всего, с вопросами социальными: неграмотность негров — гарантия их закабаления. Огюстен говорит

Офелии: «Обучите подлинной грамоте одно поколение негров, и вся система рабства взлетит на воздух» [ХДТ: 402]. Достоинство, интеллектуальный уровень, достижения таких героев, как Джордж Гаррис, связаны с образованностью. Овладение грамотой, навыками письма, способность соответствовать требованиям европейской образованности — все это было свидетельством культурной полноценности черной расы. Но на первом плане, разумеется, оказываются вопросы духовные — грамотность как доступ к Библии и возможности быть христианином в полном смысле слова. Наиболее убедительные доводы вложены в уста Евы — главного поборника просвещения рабов: негры «должны сами читать Библию, чтобы узнать волю Божию... Библию надо читать самому. Она нужна так часто, что столько чтецов для этого не наберется... Они бы у меня научились читать Библию, писать письма... как им тяжело от того, что они не умеют ни читать, ни писать» [ХДТ: 453–455]. Выразительна также сцена предсмертного разговора Евы с рабами:

— Помните, что каждый из вас может стать — навеки стать ангелом... Господь придет на помощь каждому христианину. Молитесь ему, читайте... — Девочка осеклась на полуслове, жалостливо посмотрела на негров и сказала с грустью:

— Боже мой! Ведь вы не умеете читать, бедные! — потом уткнулась лицом в подушку и заплакала [...] я знаю, Господь поможет вам, хотя вы и не умеете читать... просите, чтобы вам как можно чаще читали Библию, и тогда мы встретимся на небесах [ХДТ: 492].

В ситуации рабства легко объяснимы привязанность простодушных и ребячливых негров к добрым хозяевам и личная преданность. Но феномен Тома, глубоко верующего христианина, непоколебимого в своей верности заповедям и нравственному долгу, справедливо характеризуется Огюстеном как «моральное чудо» [ХДТ: 370]. Возможность подобного чуда объяснима только верой автора романа в особый духовный дар черной расы, ее обостренную восприимчивость к христианству: «Миссионеры утверждают, что из всех рас на земле африканская восприняла Евангельскую весть с максимальной доверчивостью. Неубывающая, беззаветная вера — вот основополагающее естественное свойство именно этой расы...» [ХДТ: 661].

Роман Бичер-Стоу внес заметный вклад в развитие и расширение топоса черного мессианства. Автор опирается на два

главных аргумента, утверждая мессианскую роль негров. Первый вытекает из топики «особого психоэмоционального склада» черной расы: Бичер-Стоу апеллирует к устойчивому комплексу черт, выделенных еще Джефферсоном — мягкость, покорность, доверчивость, незлопамятность, эмоциональность, импульсивность, развитая фантазия и предметное, «пластическое» мышление, детскость, наивность чернокожих. Вера негров последовательно сближается с верой ребенка (дружба Тома и Евы, их совместное чтение Библии, восторг, с которым Ева слушает гимны в исполнении Тома). Описывая молитвенное собрание у дяди Тома, автор подчеркивает искренность, экзотичность и пылкость религиозного чувства негров, объясняя это их эмоциональностью и богатством воображения, не ослабленных рациональным контролем. Бичер-Стоу отмечает обилие яркой образности в религиозных гимнах негров, «природную свежесть и силу этих голосов», «чуждость и вдохновенность мелодий» и «живой, капризный ритм» [ХДТ: 86].

«Берега Иордана», «Земля Ханаанская» и «Новый Иерусалим» то и дело упоминались в этих песнях, ибо богатому, пылкому воображению негров особенно милы живописные картины и словесная пышность. Распевая свои любимые мелодии, они и смеялись, и плакали, и били в ладоши или же горячо пожимали друг другу руки [ХДТ: 87].

Шумность и эмоциональность ревивалистского молитвенного собрания, которые у самых низов общества — рабов, не были скованы никакими социально-культурными условностями, описываются как отличительные черты «африканского» религиозного темперамента — хотя на самом деле эти особенности сложились в ходе христианизации негров уже в Новом Свете под влиянием миссионеров-ревивалистов, «крикунов методистов» [ХДТ: 320]. Говоря об «африканском ориентальном темпераменте», «особой нервной конституции», Би-

Том молится за Сен-Клера.

чер-Стоу сближает негров с другой «восточной нацией» — древними евреями, подкрепляя сложившийся топос негров как избранного народа, Израиля, томящегося в Египетском плену [КУТС: 45].

Второй аргумент в пользу «черного мессианства» — рабство как «очищение в горниле страданий», крестный путь мученичества и искупления. В итоге последние станут первыми, и рабы, опередив хозяев, войдут в Царствие Небесное, к тому же получив власть молиться за своих обидчиков:

И, может статься, что те высокие законы общежития, с которыми приобщится к нам негритянская раса — прежде забитая и презренная — послужат откровением для человечества. Чего же другого ждать от народа мягкого, кроткого... народа, по-детски привязчивого и незлобивого. Все это даст ему возможность внести в жизнь высочайшие нормы христианской морали. Кого Господь любит, того Он и наказывает. Не испытал ли он несчастную Африку в горниле страданий, с тем, чтобы поднять ее и возвести ее в то Царство, которое настанет, когда все другие царства падут, ибо первые будут последними, а последние первыми? [ХДТ: 318]

Именно в этой роли выступает христианский мученик Том, который молится «с силой прямо-таки апостольской» [ХДТ: 328] не только за любимого хозяина Сен-Клера, но и за своего убийцу Легри, обращает к состраданию жестоких язычников-дикарей своей расы — Самбо и Квимбо, потрясенных его мужеством и кротостью [ХДТ: 692]. Сен-Клер констатирует: «Религиозное призвание в крови у Тома» [ХДТ: 327].

Во 2-й главе 1 части «Ключа...», посвященной образу дяди Тома, Бичер-Стоу отводит много места рассуждениям об особой предрасположенности черной расы к религиозности, находя подтверждение этому и в особенной восприимчивости негров к месмеризму, и в дохристианских, языческих верованиях африканцев. Африка, утверждает Бичер-Стоу, всегда была местом, где рождались и бытовали магия, суеверия, эзотерические учения и доктрины — и все это свидетельствует о духовной жажде африканцев, которая могла быть утолена только «источником воды живой», познанием Христа. Именно «особенностями нервной конституции» объясняется склонность негров к видениям, пророческим голосам, восприимчивость к откровениям.

С пылкой, экстатической и эмоциональной религиозностью африканцев невыгодно контрастирует англо-саксонская раса, «холодная, логичная и практичная» [ХДТ: 46]. Главным же пороком белой, правящей расы является ее религиозное лицемерие. Бичер-Стоу обращается к топосу двух религий: истинные христиане — Том, Ева, миссис Шелби, квакеры — противопоставлены тем, кто исповедует «религию рабовладельцев». Это отец и брат Огюстена, Мари Сен-Клер, пастор Дж., доказывающий, что «различие между господами и слугами естественно и справедливо, ибо одним от рождения суждено повелевать, а другим — повиноваться» [ХДТ: 323]. Эту «религию рабовладельцев», респектабельное ханжеское псевдохристианство обличает в 26-й главе Сен-Клер.

С комплексом «черного мессианства» тесно связан в романе топос «Африка как эдем». Но у Бичер-Стоу он не архаичен («первозданный эдем»), а футуристичен и связывается с духовной миссией Африки, а также с ее приобщением к христианской цивилизации, к письменной и книжной культуре:

Если Африка явит когда-нибудь миру высокую духом, просвещенную расу — а в том, что она сыграет роль в великой драме эволюции человека сомнений быть не может, — жизнь расцветет там с такой пышностью, с таким великолепием, о которых наши западные народы имеют лишь смутное представление. В этой далекой загадочной стране золота, алмазов, развевающихся на ветру пальм, пряностей, невиданных цветов и сказочного плодородия возникнут новые формы искусств, новая красота [ХДТ: 317–318].

Убежденность в великом будущем христианской цивилизованной Африки тесно связано с симпатиями Бичер-Стоу к проекту колонизации Африки, который она видит как мессианский: освобожденные из рабства Джордж Гаррис, Топси связывают свою судьбу с исторической родиной, где они собираются трудиться на благо своей расы.

Бичер-Стоу говорит о фольклоре негров исключительно в связи с их религиозностью. Это формы, порожденные «черной церковью» (гимны — госпелы и спиричуэлс, проповеди¹⁰); пережитки языче-

¹⁰ Образец черной проповеди дается Бичер-Стоу в описании молитвенного собрания у Тома [ХДТ: 87].

ства — магия и колдовство¹¹ тракуются как грубое суеверие, которому подвержены дикари, вроде Самбо и Квимбо, и проклятый грешник Легри. Подобное отношение к колдовству (conjuring) характерно для просвещенного христианского аболиционизма, что доказывает и пример Ф. Дугласа¹².

Как уже говорилось, черные и цветные персонажи занимают в романе важное место, несопоставимое со скромной ролью, отводившейся им в классическом плантаторском романе 1830–1840-х гг. Это изменение не только количественное (обилие негритянских персонажей в романе), но и качественное (появление черных и цветных персонажей в качестве центральных героев наряду с белыми — Том, Элиза и Джордж Гаррис). Как и в случае с белыми героями, основу для разработки негритянских характеров составили готовые амплуа; они за-

Сэм, Энди и негры на кухне.
Речь Сэма.

Офелия и Дина на кухне.

Джим Кроу. Томас Д. Райс в образе созданного им персонажа. Обложка нотного издания XIX в. (New York: E. Riley, n.d.).

имствованы в основном из репертуара минстрел-шоу и уже освоившего их плантаторского романа. Так, комические персонажи Энди и Сэм восходят к типу «довольного черномазого» (happy darky) — Джима Кроу, балагуров Тамбо и Боунза. Кухарки Хлоя

и Дина — к амплуа тетушки / няньки / кормилицы («мамми»). Из минстрел-традиции взяты любопытные, шумные и проказливые негритя-

¹¹ Испуганный Самбо приносит Легри сорванный с шеи Тома медальон с золотым локоном Евы, сопровождая это пояснением: «Это такая штука, которую ниггеры достают у ведьм. Она отводит боль, когда их секут. А Том носил ее на шее, на черном шнурке» [ХДТ: 623].

¹² Ф. Дуглас в своей автобиографии «Повествование о жизни Фредерика Дугласа, американского раба» (1845) повествует о том, как старался защититься от наказаний с помощью магии, и разоблачает колдовство как темное суеверие, не имеющее никакой силы и несовместимое с истинной верой и просвещением.

Тетушка Хлоя.

та (picaninies), которых полным-полно в доме Шелби и Сен-Клера, дворецкий Огюстена Адольф (в минстрел-шоу — цветной модник Зип Кун), который поливает себя духами и щеголяет в хозяйском жилете. Кокетливые квартеронки-горничные Роза и Джейн — это минстрел-тип мулатки / красотки.

Бичер-Стоу включает в роман искусно написанные минстрел-сценки — например, комические трюки и перебранки Сэма и Энди во время преследования Элизы (гл. 6); витийство Сэма перед неграми во время ужина на кухне Шелби (гл. 8), отсылающее к типичному для минстрел-шоу номеру негра-витии — «речь на пеньке» (stump speech); тетушка Дина в окружении подручных-негрят [ХДТ: 361]; галантный диалог Адольфа и Джейн — «Зип Кун и мулатка / красотка» [ХДТ: 373]. Высокомерие Адольфа, Джейн и Розы по отношению к черным слугам и презрение черной кухарки Дины к светлокожим цветным, которые на квартеронских балах (quadroon balls) «кривляются и корчат из себя белых», будучи «такими же черномазыми» — проявление внутрирасовой «цветовой иерархии», топика, которая достигнет расцвета в эпоху «надира» и негрятянского ренессанса (1890–1910-е).

Адольф и Сен-Клер.

Адольф, Джейн, Роза и Дина.

Зип Кун. Обложка нотного издания (New York: Firth & Hall, n.d. c. 1840).

Светлокожие негры, тип которых восходит к комическим минстрел-амплуа (Зип Кун, мулатка / красотка), у Бичер-Стоу всегда персонажи второго плана. Другой вариант светлокожего персонажа в «Хижине дяди Тома» основан на возникшем в аболиционистской литературе типе «трагического/ой полукровки» (*tragic mulatto*). Этот тип сочетает черты белой расы (властной, волевой, решительной, высокомерной, господствующей) и расы черной — униженной, терпеливой, мягкой, покорной, доверчивой, импульсивной, восприимчивой, чувствительной. Объяснение этой «схизмы» предвосхищает конец XX в. с его увлечением позитивной наукой: «две крови», две природы в одном человеке. Огюстен Сен-Клер говорит о мисцегенации:

Примесь англосаксонской крови у наших рабов теперь не редкость... Среди них есть много таких, которым африканская кровь лишь подбавляет тропического зноя и горячности к нашему расчетливому и уравновешенному уму, способному смотреть вперед... Сыновьям белых отцов, в жилах которых бурлит наше высокомерие, не вечно же быть предметом купли, продажи и обмена [ХДТ: 462].

Благодаря «примеси белой крови» мулат ведет себя иначе, чем чистокровный негр:

Грум Энрика был мулат, одного с ним роста, черноглазый, кудрявый, с высоким открытым лбом. Судя по тому, как он вспыхнул и сверкнул глазами, пытаясь оправдаться, к крови его примешивалась кровь белого человека [ХДТ: 456].

Однако у Бичер-Стоу конфликт «трагического полукровки» еще носит не внутренний, но внешний характер. Это не вопрос крови и генов, а вопрос социальный — несоответствие способностей и талантов мулата его общественному положению, контраст между полученным образованием и воспитанием, уровнем развития, силой личности — и ролью приниженного раба, вещи, предмета купли-продажи. Не «две крови», но обостренное чувство собственного достоинства и возмущение против социальной несправедливости становятся у этих персонажей причиной гнева, озлобленности, отчаяния и даже богоборчества. Таковы у Бичер-Стоу взбунтовавшийся Джордж Гаррис и отчаявшаяся Касси. Джордж и Касси оказываются в шаге от богоборчества или даже атеизма, и только влияние кротких

и набожных Элизы и Тома, а затем освобождение из рабства спасают души трагических полукровок от отчаяния и гибели.

Ничем не отличаются от белых по характеру, воспитанию и мироощущению и более мягкие и благовоспитанные (gentle) Элиза и Эммелина. Полукровки у аболиционистов — это персонажи с сильной волей, образованные, одаренные, которые не могут смириться с унижением и несправедливостью. Они белые внутри, цветные снаружи, и для них путь к цельности состоит вовсе не в стремлении решить «внутренние проблемы» (таковых у них нет), а в стремлении добиться того, чтобы их социальное положение соответствовало уровню их развития, способностей и самосознания.

Джордж Гаррис, Элиза и Гарри.

С образами персонажей-полукровок связана тема, которая к середине XIX в. кристаллизуется в топос, и будет становиться все более значительной в негритянской и белой южной литературе после отмены рабства. Это тема двух ветвей одной семьи — белой и цветной. Этот топос будут разрабатывать Дж. Уэлдон Джонсон («Автобиография бывшего цветного», 1912), Дж.Р. Фосет («Смятение», 1924), У. Фолкнер и многие другие. Немалым вкладом в кристаллизацию этого топоса стал роман Бичер-Стоу «Дред. Повесть о Великом мрачном болоте» (*Dread: A Tale of the Great Dismal Swamp*, 1956), где один из центральных персонажей — мулат Гарри, сводный брат и раб

главной героини, дочери плантатора Нины Гордон и молодого хозяина, массы Тома. Гарри терзаем противоположными чувствами — любовью к сводной сестре и ненавистью к сводному брату. Смерть Нины резко нарушает хрупкий баланс, и вскоре Гарри оказывается на болотах, присоединившись к повстанцам черного бунтаря Дреда. Трагический парадокс раба, кровного родственника хозяев, осваива-

ет в это время и негритянская литература (У. Уэллс Браун «Клотель, или Дочь президента», 1853).

Предвосхищением топики послевоенного периода является у Бичер-Стоу обращение к теме пересечения расового барьера (passing): она появляется в историях побега Джорджа Гарриса, Касси и Эмmeliны. Джордж, как и благопристойные светлокожие полукровки в литературе рубежа XIX–XX вв., отвергает этот способ ассимиляции в американское общество как предательство своей расы и самого себя:

Да, я согласен с тобой, что мог бы смешаться с белыми... Но представь, я этого не жажду. Все мои симпатии на стороне расы матери, а не отца. Для отца я был ничем не лучше породистой собаки... моя несчастная убитая горем мать видела во мне ребенка... у меня нет... ни малейшего желания выдавать себя за американца или отождествляться с ним [ХДТ: 719–720].

Касси и Эмmeliна выдают себя за белых.

Ряд цветных персонажей Бичер-Стоу, как и «трагический/ая полукровка», созданы на основе типов, выработанных аболиционистской литературой. Это мученики системы рабства — утвердившийся, особенно в поэзии, тип «матери-рабыни» (slave mother) — Элиза, Сусанна, Касси, а также тип отца и мужа-раба, бессильного защитить семью (Джордж Гаррис), тип жертвы хозяина или надсмотрщика-палача (Люси, Том). Разумеется, в сюжете «Хижина дяди Тома» легко опознаются типичные для аболиционизма элементы, особенно

Элиза на льду.

ситуация насильственной разлуки с ребенком в разных ее вариантах: угроза продажи сына (Элиза и Гарри), продажа дочери с аукциона на глазах у матери (Сусанна и Эмmeliна), смерть ребенка и отчаяние ма-

тери (история старой Прю), многолетняя разлука и обретение родных по прошествии многих лет (Касси и ее дети) и т. д.

У Бичер-Стоу готовые амплуа составляют основу, на которой выстраивается яркий, запоминающийся, индивидуализированный характер, наделенный какими-то характерными черточками, особенностями. Это стало одним из секретов популярности романа, который, черпая из минстрел-традиции¹³, в свою очередь обогатил ее: первая сценическая постановка по роману Бичер-Стоу появилась на минстрел-сцене меньше, чем через год после выхода книги¹⁴; жизнь героев на сцене, а потом на киноэкране с неизменным успехом продолжались как в XIX, так и в первой половине XX в.¹⁵ Книга Бичер-Стоу дала новых минстрел-героев, пополнивших репертуар традиционных амплуа, прежде всего, Тома и Топси.

Оба этих персонажа являются наиболее оригинальными творениями Бичер-Стоу. В обоих случаях легко просматривается основа образа: Том восходит к типу «черного дядюшки» (black uncle) и «преданного раба», Топси — к негритенку-*ricaninny*. Однако Бичер-Стоу указывает, что у Тома были реальные прототипы, в первую очередь Джосайя Хенсон, автор одного из самых известных невольничьих повествований «Жизнь бывшего раба Джосайи Хенсона» (*The Life of Josiah Henson, Formerly a Slave*, 1849). Главное в Томе — не легко узнаваемые минстрел-черты типажа «черного дядюшки», и даже не «правдивость» этого образа, на которой всегда так настаивают авторы-аболиционисты, а то, что Сен-Клер определил как «моральное чудо». Именно это составляет феномен Тома, христианского мученика, воплотившего идею черного мессианства и породившего «миф дяди Тома» в негритянской литературе. Историю этого мифа прослеживает в своем исследовании У.Дж. Мозес [Moses 1982], стараясь ответить на вопрос, каким образом он подвергся в ходе истории столь радикальной трансформации и как дядя Том из воплощенного христианского идеала, героя и мученика стал символом расового предательства.

Несомненная авторская удача Бичер-Стоу — Топси. Как и в случае с Томом, образ маленькой «чернушки» несводим к мин-

¹³ О минстрел-традиции и ее амплуа см.: [Панова 2014 б]

¹⁴ О сценических постановках по роману в 1850-е гг. см.: [Frick 2007].

¹⁵ Рецепция романа в популярной культуре (театр, комиксы, кино) представлена в комментированном издании под ред. Г.Л. Гейтса-мл. [Annotated UTC 2007].

стрел-ампула «негритенка». В системе персонажей, которые отчетливо делятся на статичных (Том, Ева, Легри, миссис Шелби, Элиза и Джордж) и тех, кто меняется, развивается (Огюстен Сен-Клер, Офелия, Касси, Джордж Шелби), Топси принадлежит ко второй группе, причем именно с ней происходят наиболее глубокие перемены. В Топси соединены элементы разных типов: страдающей жертвы — «ребенка, всеми забытого и униженного» [ХДТ: 415], с глубокими рубцами и шрамами на плечах и спине; дикарки — Топси «недоцивилизована», у нее дикие представления о мире, о самой себе: в ответ на расспросы мисс Офелии Топси уверяет, что она «не родилась» [ХДТ: 416], она не различает добро и зло

“Does you know you’s all sinners?”

Топси и негритята.

и постоянно сравнивается со зверьком, то забавным, то опасным. Есть в Топси и черты «скверного ниггера» (bad nigger) плантаторского романа, невоспитуемого, агрессивного, непригодного для цивилизации (Топси ворует, лжет, устраивает разнообразные каверзы и кажется неисправимой). На развенчание этого последнего стереотипа как раз и направлена эволюция Топси: Бичер-Стоу приводит тезис о всеилии христианской любви, для которой нет невозможного. Любовь, крещение и просвещение — вот необходимые слагаемые для того, чтобы даже самый жестокий дикарь стал цивилизованным христианином. Примечательно, что Топси — единственный в романе чистокровный представитель черной расы, отличительной чертой которого является острый и подвижный ум; автор наделяет ее этим качеством, хотя она и не полукровка. Интеллектуальная одаренность Топси позволяет ей стать выдающейся дочерью своего народа: получив образование и приняв крещение, она едет в Либерию учительствовать.

Тип дикаря, в том числе и «кровожадного дикаря», привлекал пристальное внимание Бичер-Стоу. В «Хижине дяди Тома» она несколько раз повторяет схему обращения «жестокое язычника»: это истории Сципиона, Самбо и Квимбо. Как и Топси, Самбо, Квимбо и Сципион — не «африканские дикари», а «продукты» бесчеловечной системы рабства, которое бестиализирует раба, превращая его либо

в оупевший рабочий скот, либо в дикого зверя. Все они оказались в руках у жестоких хозяев, и в итоге стали развращенными, свирепыми, бесчувственными. Обращение, то есть встреча со Христом, возможны только как личный опыт любви-агапе. Этот путь проходят Сципион, Топси, Самбо и Квимбо под влиянием Огюстена, Евы, Тома.

Сен-Клер и Сципион.

Легри, Самбо и Квимбо.

Другой вариант сюжета, связанный с типом «кровожадного дикаря», представлен в романе «Дред». Дред, о котором сообщается, что он сын Денмарка Визи¹⁶, — собирательный образ взбунтовавшегося раба; его прототипы — Визи, Габриэль Проссер и, в особенности, Нат Тернер. Дред, как и Нат, — духовидец, он изрекает апокалиптические пророчества, его посещают видения, он слышит голоса. Дред предрекает кару, гнев Божий, которые должны обрушиться на голову рабовладельцев. Для разрываемого противоположными стремлениями мулата Гарри Дред является живым воплощением его гнева, ярости, жажды справедливости; другой полюс — негритянка Милли, жертва насилия со стороны белого, противопоставляющая мстительности и оскорбленному достоинству любовь и терпение, прощение, смирение. Дред, однако, так и не приходит к обращению и погибает, ибо попытка обойтись без Христа, без любви — это дорога, ведущая к гибели. Гибель Дреда традиционно толкуется исследователями как

¹⁶ Историческое лицо, взбунтовавшийся раб, возглавивший восстание в Чарльстоне, Южная Каролина, в 1822 г.

следование автора стереотипу о неспособности негров силой добиться свободы и взять свою судьбу в собственные руки: «Дред застрелен, а... Гарри, который явно разделяет мнение Клейтона о неспособности чернокожего довести бунт до конца и взять свою судьбу в собственные руки, бежит на Север» [Yellin 1972: 144]. Подобный анализ искажает посыл, вложенный в роман Бичер-Стоу. Видение бунта как тупикового пути, деструктивного и саморазрушительного, следует понимать прежде всего не в «расистской», но в христианской системе координат. Насилие, гнев, жестокость — всегда грех; особенно непростителен он для белой «господствующей» расы; что до расы черной — «мягкой, терпеливой, смиренной, детски доверчивой и особенно восприимчивой к христианству», бунт идет вразрез с ее мессианским предназначением. Дред гибнет, и финал романа вновь возвращает читателя к идее черного мессианства, рисуя идеал торжества христианской любви, примиряющей негра и белого, раба и хозяина (черный дядюшка Тифф и его молодой хозяин). То же и в финале «Хижин дяди Тома»: Том останавливает отчаявшуюся Касси, готовую зарубить Легри топором, неизменно противится греху, насилию, убийству, жертвует собой ради спасения Касси и Эммелины, не выдавав беглянок под пытками, и умирает, одерживая моральную и духовную победу над демоническим палачом, своим жестоким хозяином.

Парадокс творчества Бичер-Стоу — использование топики плантаторского романа и минстрел-шоу в аболиционистской прозе — Дж. Йеллин Фейген объясняет христианским смыслом романа: «Христианская переоценка ценностей позволяет миссис Стоу включить расистские стереотипы плантаторской литературы в роман, направленный против рабства» [Yellin 1972: 136]. Однако плантаторские романы также пишутся в христианской системе координат. Сам факт того, что одну и ту же культурную модель черной расы в равной степени используют и апологеты, и противники рабства, обнаруживает ее нейтральность. Эту нейтральность она теряет и становится ангажированной, когда тот или иной писатель ставит ее «на службу» своим убеждениям. Речь должна идти не об имманентных свойствах этой модели как таковой, но о разной оценке составляющих ее одних и тех же общеамериканских расовых топосов в плантаторской и аболиционистской идеологии.

Современники Бичер-Стоу — апологеты рабовладения — это отличие ощущали очень остро. Не случайно они объявили настоящий крестовый поход «против Тома» и в своей борьбе с книгой Бичер-Стоу

пользовались тем же арсеналом, что и знаменитая аболиционистка, стараясь обратить ее оружие против нее самой.

В известном историческом анекдоте президенту Линкольну приписывается утверждение, что книга «маленькой женщины» Гарриет Бичер-Стоу вызвала «большую войну» и изменила ход американской истории. Это не просто комплимент в адрес автора, но и указание на особый статус романа: он воспринимался не только как текст, но и как поступок, действие, которого требовал социальный евангелизм. Сама Бичер-Стоу в автокомментарии к роману «Ключ к “Хижине дяди Тома”» настаивает на реальности, «невывышенности» романного мира, подчеркивает отсутствие границы между романом и реальностью:

Это сочинение, быть может, больше, чем какое бы то ни было художественное произведение, когда-либо написанное, было собранием реальных случаев, действительно совершившихся событий, на самом деле сказанных слов, сгруппированных так, чтобы достичь нужного результата. У этой книги была цель, полностью выходящая за границы художественной литературы, и соответственно, публика предъявляла к ней требования, которые обычно не предъявляются художественной литературе. Ее воспринимали как реальность — просеянную, проверенную, испытанную [KUTC: 1].

Подобное понимание литературы и вообще словесности как части реальности, как вербального и одновременно иллокутивного акта — родовая черта аболиционистских текстов: подобными декларациями вкупе с доказательствами и свидетельствами подлинности и реальности описываемых событий снабжены у аболиционистов как романы, рассказы, так и невольничьи повествования, вообще любые «истории» и даже стихотворения. После выхода книги Бичер-Стоу слово (и дело) было за ее оппонентами, и ответная реакция не заставила себя ждать. Так возникает огромный корпус романов, направленных против «Хижин дяди Тома» (anti-Tom novels).

«Против Тома»: Кэролайн Ли Хенц

Томас Ф. Госсетт называет около тридцати книг в числе полемических откликов на роман Бичер-Стоу [Gosset 1985; см. также: Панова 2014 в: 746–747]. Феномен «романов против Тома» обозначает новую фазу в истории плантаторского романа, когда главным стано-

вится полемика с аболиционизмом и апологетика рабовладельческого Юга. Остановимся на одном примере — типичном образчике плантаторского романа, порожденного популярностью «Хижины дяди Тома». Его автор Кэролайн Ли Хенц (1800–1856), уроженка Массачусетса, в 1824 г. после замужества переехала на Юг и провела там остальную часть жизни. В Чэпел-хилл, где ее муж преподавал языки в Университете Северной Каролины, она помогала чернокожему поэту-рабу Джорджу Мозесу Хортону получать образование, способствовала публикации его стихов. Супруги Хенц посвятили себя педагогике: каждые несколько лет они переезжали из штата в штат, открывая школы в Кентукки, Огайо, Алабаме, Джорджии. В Цинциннати, штат Огайо, где они прожили с 1832 г. около 10 лет, Кэролайн Ли Хенц познакомилась с Гарриет Бичер-Стоу.

Идеологический и сентиментальный роман Хенц «Северная невеста плантатора» (1854)¹⁷ в полной мере отвечает определению «романа против Тома»: пытаюсь «бить врага его же оружием», К. Ли Хенц создает «зеркальное отражение» «Хижины дяди Тома», используя тот же материал, но переставляя оценочные знаки. Как и Бичер-Стоу, Хенц также стремится создавать свой роман как христианский, однако носителями подлинно христианских ценностей становятся идеальные рабовладельцы Морленд и Юлалия, а «моральным чудом» — не черный раб, а Ильдергете — белая хозяйка, которая прощает служанку-предательницу и принимает ее обратно как «заблудшую овцу». Аболиционисты у Хенц извращают религию, либо честно заблуждаясь (Хастингс), либо злонамеренно делая веру орудием преступного разрушения, насилия (лжепроповедник Брейнард, «волк в овечьей шкуре»).

Хенц, как и Стоу, включает в свой текст разные жанровые элементы — бытописание, любовную интригу (romance), семейный роман, публицистические фрагменты (авторские отступления)¹⁸,

¹⁷ Hentz Caroline L. *The Planter's Northern Bride*. Philadelphia, PA: T.B. Peterson and Brothers, 1854. Далее цитаты и ссылки приводятся по этому источнику в скобках с пометой «Hentz». В статье использованы фронтиспис и иллюстрация из этого изд. Подробный анализ романа К. Ли Хенц см. [Морозова 2005].

¹⁸ Например, окончание главы IX, представляющие собой вмонтированное в текст романа эссе о проблеме возникновения и распространения рабства в Новом Свете, об угрозе восстаний рабов (кровавый хаос на Гаити), о работорговле как средстве христианизации Африки и ее приобщении к западной цивилизации. [Hentz: 237–243].

дискуссии персонажей по идейным вопросам¹⁹ и их монологи²⁰), а также невольничьи повествования — рассказы беглых рабов (история Крисси и Джуди). У Хенц присутствует даже жанр признаний преступников (*criminal confessions*) — в главе XIX, где заключенные негры Джек и Джерри обсуждают заговор и план восстания.

Следование канону, как и взаимопроникновение плантаторского и аболиционистского романа, столь же отчетливо видно в наборе персонажей. У Хенц он каноничен, как и у Бичер-Стоу. Здесь присутствуют и благородный джентльмен-плантатор (Морленд), его невеста Юлалия — вначале воплощение девической чистоты и невинности, затем благопристойная леди (*gentle lady*). Есть и inferнальный злодей — Брейнард; в отличие от Бичер-Стоу, это не жестокий самодур-плантатор, но демонический преступник — псевдо-аболиционист, выдающий себя за священника, подстрекатель восстания, мошенник и зловещий трикстер (*conman*)²¹.

Морленд, Юлалия и Альберт.

Брейнард и Юлалия.

Негритянские персонажи, как обычно, основаны на типажах минстрел-шоу — черная «мамми» (тетушка Киззи, нянька Морленда тетушка Дайси), шеголь Зип Кун (лакей Морленда мулат Альберт),

¹⁹ Например, публичный диспут главного героя плантатора Морленда и аболициониста-северянина Хастингса, отца Юлалии, невесты Морленда в главе III [Hentz: 82–89].

²⁰ Например, подробный рассказ Морленда Юлалии о черной расе и контакте двух рас на Юге, об укладе жизни в доме и на плантации в главе VIII [Hentz: 201–204]. Морленд «просвещает» не только свою неопытную новобрачную, впервые оказавшуюся на Юге, но и читателя.

²¹ Брейнард до своей «карьеры аболициониста» отбыл срок в тюрьме; помимо организации восстания рабов, он планирует новые преступления (ограбление банка).

красавица-мулатка (горничная Нетти). Негры, полевые работники (fieldhands), что трудятся на плантации Морленда, обрисованы в сентиментальном и комическом духе в контексте сельской идиллической Аркадии; это типичная «массовка» минстрел-шоу. Из всех распространенных амплуа у Хенц отсутствуют комические типажи (Джим Кроу, Брат Тамбо, брат Боунз), нет и «негритенка» (picaninny), хотя созданный на основе этого минстрел-амплуа персонаж Бичер-Стоу (Топси) оказался одним из самых ярких и убедительных и вошел в репертуар менестрельного театра, являя собой пример обратного воздействия литературы на популярную культуру. Однако в целом обращение Хенц к типам минстрел-шоу опосредовано «Хижинной дяди Тома». Черные и цветные герои «Северной невесты» сознательно наделяются сходством с героями Бичер-Стоу: Альберт похож на надушенного и разряженного Адольфа, камердинера Сен-Клера, Нетти — на привлекательную квартиронку-горничную Розу, Киззи и Дайси напоминают тетушку Хлою. Многие сцены и диалоги читаются как «параллельные места» к роману Бичер-Стоу: диалог Альберта и Нетти, как и диалог между Адольфом и Розой в «Хижине дяди Тома», — это комическая сценка ухаживания Зип Куна за красоткой-мулаткой; встреча рабами Морленда, вернувшегося после долгой отлучки, отсылает к возвращению домой Сен-Клера в главе 15-й «Хижин дяди Тома» и т.д. Присутствуют, разумеется, и полемически направленные параллели — например, мытарства беглянки Крисси на свободе в главе XV романа К. Ли Хенц (болезнь, непосильный труд, безразличие и жестокость окружающих) напоминают страдания измученной рабыни Люси на плантации Легри (главы 32–33 «Хижин дяди Тома»).

Особо следует сказать о типажах «кровожадного дикаря» и «скверного негра». В «Хижине дяди Тома» они занимают весьма скромное место: это жестокие язычники Самбо и Квимбо, обращенные умирающим Томом, и Сципион, которого Сен-Клеру удалось приручить с помощью любви и терпения. Для полемического плантаторского романа 1850-х гг. характерно возрастание роли этого типа, хотя своего апогея его развитие достигнет в романах эпохи расовой войны на Юге — уже после окончания Реконструкции. Хенц активно обращается к этому типу: это заключенные негры Джек и Джерри в 19-й главе (именно в жанре «признаний преступников» начиная с XVIII в. кристаллизовался тип «кровожадного дикаря»), а также два практически одинаковых персонажа — звероподобные негры-си-

лачи Нат (знаковое имя, отсылающее к знаменитому Нату Тернеру) и угольно-черный кузнец Вулкан, сбежавший от доброго хозяина Морленда. Оба они выдают себя за жертв рабовладельцев. Нат силен, как Геркулес, в нем бушуют темные первобытные страсти, этот разбойник не облагорожен достижениями цивилизации, зато заражен ее пороками. Вулкан, который во время возмущения рабов на плантации Морленда оказался единственным, кто не подчинился воле хозяина и даже отважился поднять на него руку, также характеризуется как неуправляемый и опасный дикарь, который приговаривается к «высшей мере наказания» — свободе. Это изгнание из рая, отлучение от христианской цивилизации, от мира культуры, к которой Вулкан оказался невосприимчив [Hentz: 574].

Пристальное внимание к проблеме рабства и негритянскому вопросу, побуждающее авторов-апологетов Юга 1850-х гг. выводить персонажей-негров с периферии в центр повествования, способствует более тщательной разработке этих образов, их диверсификации и нюансировке. Здесь аболиционистский и плантаторский роман также идут рука об руку, преследуя, впрочем, в каждом случае свои идейные цели. Все чаще минстрел-типы становятся лишь основой, на которой строится образ, порой довольно далеко отходящий от первоначально-го ядра; происходит смешение черт разных типов и, главное, все более заметная индивидуализация персонажей. Яркий пример — образ Дайси, старой няньки Морленда, в образе которой соединяются черты няньки-«мамми», верного раба (Дайси глубоко и безраздельно предана не только лично хозяевам, но и семье, роду Морлендов), матриарха, обладающего неоспоримым авторитетом среди рабов, а также духовного лидера общины (разновидность этого типа — черный священник / проповедник, займет важное место в литературе последующих десятилетий). Дайси воплощает дух негритянской религиозности, дух черной церкви; она говорит на диалекте, но это речь не комического героя, а проповедника или пророка.

Неменестрельные негритянские персонажи — Джуди и Криси появляются в результате усвоения плантаторским романом элементов аболиционистской литературы, в первую очередь, невольничьих повествований. Стремясь обратить оружие идейного врага против него самого, автор плантаторского романа также создает персонажей в сентиментальном ключе — страдающих, апеллирующих к состраданию читателя. Однако по сравнению с аболиционистской прозой, в плантаторском романе используется

принцип зеркального отражения: традиционная для невольничьих повествований сюжетная схема (страдания в рабстве — бегство с его опасностями — обретение свободы и счастья, несмотря на отдельные трудности) переворачивается: рабство как пребывание в состоянии невинности / эдемской радости и беспечности — бегство как грехопадение или роковая ошибка — страдания и мытарства на свободе — возвращение на Юг, к хозяевам как возвращение в потерянный рай.

У Хенц эта схема присутствует в двух вариантах. Во-первых, это история Крисси, чье бегство от добрых и сострадательных хозяев представлено как акт нравственного помрачения и наглядное свидетельство слабости воли негров и дефицита у них морального чувства. Побег служанки является чудовищным предательством: ее хозяйка Ильдгерете доверяет ей и как никогда нуждается в ее помощи, имея на руках тяжелобольного умирающего мужа. Однако с негра, существа слабовольного и нравственно неустойчивого, нельзя спрашивать, как с белого — мудрая и милосердная Ильдгерете, настоящая христианка, прощает бросившую ее служанку. Действительно, Крисси соглашается бежать, попав под влияние аболиционистов — супругов Софт, которые навязывают ей свою волю, приводя негритянку в состояние, схожее с гипнотическим трансом. Привычка к опеке хозяев, неумение взять на себя ответственность за свою жизнь делают ее пребывание на воле сущим адом, обрекая беглянку на одиночество, отчаяние и деградацию. Мытарства Крисси заканчиваются наконец ее покаянным возвращением к добрым, заботливым хозяевам.

Судьба Джуди — еще один аргумент, доказывающий, что для черной расы на ее нынешнем этапе развития рабство — лучшее состояние. Джуди, угольно-черная, безобразная негритянка, много лет назад бежавшая от изверга-хозяина, тоже так и не научилась распоряжаться собственной жизнью. Она мечтает снова вернуться на Юг и обрести добрых хозяев, а потому с радостью занимает место сбежавшей Крисси подле Ильдгерете. И Крисси, и Джуди представляют собой новый тип чернокожего персонажа, в гораздо большей мере принадлежащий западной культуре XIX века. Это уже характеры противоречивые, отмеченные внутренней схизмой, расколом, познавшие опыт искуса, утраты и страдания, чей путь следует извечной библейской схеме (эдемическое состояние — грехопадение, утратарая — попытки вернуть потерянное блаженство — возвращение в эдем или проклятие и окончательное отпадение).

В целом образ черной расы у Хенц представляет все ту же узнаваемую культурную модель, в основе которой лежит набор общих мест, восходящих еще к Джефферсону. В частности, Хенц полагает, что чувствительность и восприимчивость в сочетании с импульсивностью, возбудимостью и живым воображением обуславливают особый тип религиозности негров. Она указывает на такие особенности черного христианства, как эмоциональность и экстатичность, царящие на молитвенных собраниях (выкрики, пение, танцы — неотъемлемая часть ритуала), чувственные образные представления вместо абстрактных догматов. Ревивалистское богослужение отвечает расовому темпераменту и воображению: «Негры принялись в экстазе кричать и хлопать в ладоши. Многие в слезах падали на пол, другие пронзительно вопили: “Слава! Слава!” — так что стены дрожали от этой осанны...» [Hentz: 415]. Хенц не только описывает молитвенные собрания, но и устройство, интерьер негритянской часовни, использует жанр негритянской и ревивалистской проповеди (поучения Дайси; проповеди Брейнарда), приводит текст негритянского гимна [Hentz: 353].

Усиливается и характерное для второй половины века тяготение к «научности» в трактовке расовых отличий: «лекция» Морленда о неграх, прочитанная по прибытии молодых супругов на плантацию и адресованная новобрачной, которая осваивает искусство быть рабовладелицей, содержит элементы естественно-научного дискурса, роль и присутствие которого будут непрерывно возрастать в последней трети XIX — начале XX в. вместе с ростом интереса к эволюционной теории, теориям антропогенеза, евгенике. Например, Морленд, «изучавший негров с точки зрения физиологии, морали и интеллекта», объясняет ряд их черт климатическими условиями тропиков — естественной среды обитания черной расы. Терминологический ряд здесь восходит к Джефферсону, фиксировавшему физические отличия рас и вместе с тем предвосхищает аналогичные пассажи в прозе рубежа XIX–XX вв:

Конституция негра, уроженца тропиков, приспособлена к жаре... Его скальп, который толще и крепче нашего, лучше отражает палящие солнечные лучи. При внимательном рассмотрении видно, что его кожа сильно отличается от нашей, и не только цветом. Она выделяет большое количество влаги, подобно росе, отражающей тепло, которое наша кожа поглощает [Hentz: 303–304].

Сравнение двух рас, как и у Бичер-Стоу, — постоянная тема романа, и в ее разработке Хенц традиционна: «естественное» превосходство белых лежит в области физического облика (красота, пропорциональность, грация), а также темперамента и характера (воля, интеллект, которые обеспечивают самоконтроль, целеустремленность, выдержку); все это в конечном итоге делает белую расу господствующей. На первый план у Хенц выходит воля белого, которая подчиняет себе слабую и неустойчивую натуру негра. Воля, вкупе с отвагой и интеллектуальным превосходством — естественное свойство господствующей расы; слабость воли и интеллекта, робость, внушаемость — свойства расы «униженной», подчиненной. Это лейтмотив, настойчиво звучащий на протяжении всего романа Ли Хенц. Воля супругов-аболиционистов Софт подавляет Крисси и вынуждает ее совершить побег; воля и отвага миссис Вуд, которая нисколько не боится преступников-негров, заставляют арестованного Джерри выдать ей план восстания; могучая злая воля Брейнарда гипнотически действует на рабов, которые слепо подчиняются преступному вождю; наконец, воля, самообладание, отвага и интеллектуальное превосходство Морленда над рабами позволяют ему пресечь начавшуюся смуту на плантации без насилия и кровопролития.

Белая раса превосходит черную, так как ей созданы высшие формы цивилизации и, главное, она следует христианской вере, выполняя по отношению к «дикарям» миссионерскую и цивилизаторскую роль. Идеальная модель межрасовых отношений у Хенц — патерналистская: хозяин — родитель, раб — дитя²². Отстаивая взгляд на негров как на «низшую расу», Хенц полемизирует с топикой Африки как первозданного эдема: роскошь тропического климата, фауны и флоры — еще не основание считать Африку земным раем. Обитая в благословенном краю, африканцы тем не менее коснели во тьме язычества и не смогли создать высокой цивилизации — ни сельского хозяйства, ни ремесел, ни книжно-письменной культуры [Hentz: 296–297]. Топос «африканского эдема» используется злодеем-демагогом Брейнардом в его проповеди неграм: он представляет африканское прошлое негров как идиллию, а пребывание в Новом Свете — как утрату рая, и этот обман ведет к смуте и кровавому хаосу восстания. К. Хенц не обсуждает вопрос о колонизации (репатриации) негров в романе, но из ее

²² Об отражении патерналистской модели межрасовых отношений на рабовладельческом Юге см.: [Морозова 2005: 20-21].

трактовки топики Африки очевидно ее негативное отношение к этому проекту: возвращение на историческую родину для негров — регресс, пребывание в Новом Свете под отеческим попечением белых — прогресс, путь к христианской вере, просвещению, цивилизации.

Америка, в первую очередь Юг, — место контакта двух рас. Проблемы расовой границы как парадоксальной линии разделения-соприкосновения и расового смешения также поднимается в романе, предвещающая болезненный интерес к ним, который будет нарастать и все более обостряться от 1860-х к 1910-м гг.. В романе К. Хенц утверждается непереходимость расового барьера («граница между расами — четкая, более четкая, чем граница отделяющая полночь от полудня» [Hentz: 85]) и противоестественность смешения, оскорбляющего законы Божеские, природные и общественные:

Бог не хотел, чтобы мы были на равных с африканцем. Он сотворил барьер между его и нашей расой, который никто не может переступить, не вызвав осуждения в обществе. Белая женщина, вышедшая замуж за негра, становится отверженной... Белый мужчина, женившийся на негритянке, теряет свой статус джентльмена... Природа провела эту границу... Зачем же нам нарушать этот великий принцип природы — принцип сродства? [Hentz: 203].

Хенц затрагивает даже тему смешанных браков и межрасовых сексуальных контактов, предвосхищая новый взгляд на эту проблему. В довоенный период вопрос о межрасовых браках практически не затрагивался, будучи неактуальным; межрасовые сексуальные контакты осуждались с нравственной точки зрения в контексте такой позорной черты рабства, как конкубинат и адюльтер (негритянские наложницы белого хозяина, «квартирные балы» и т.д.). Только в послевоенный период возникает топика «сексуальной угрозы» со стороны черной расы. У Хенц, как и в целом в ангажированном плантационном романе, можно наблюдать переходное состояние в развитии этой темы — высвобождаясь из контекста супружеской морали (рабство как угроза нравственности и супружеской верности), она начинает приобретать самостоятельный смысл: межрасовые браки и половые контакты как позорное, противоестественное и чуть ли не богоборческое деяние именно в силу того, что это — мисцегенация.

Одновременно у Хенц (как и в американской культурной традиции в целом) парадоксальным образом присутствует и топос расового

смешения как «улучшения породы», как одного из благ, которое обретает черная раса, вступая в контакт с белой. Мулат, полукровка — это высший тип по сравнению с чистокровным африканцем; смешение с «высшей» белой расой ведет к исправлению и постепенному «растворению» недостатков черной расы (физического безобразия, черноты), к ослаблению характерных порочных склонностей и усвоению лучших черт белых: «Мулат, в жилах которого есть кровь белого, общается к красоте и интеллекту белой расы» [Hentz: 85]. Более того, в романе Хенц, как и у Бичер-Стоу, присутствует зарождающийся топос «внутрирасового расизма» и внутрирасовых барьеров, связанных с оттенками кожи и пропорциями «черной» и «белой крови» — тема, которая станет одной из основных в негритянской литературе рубежа XIX–XX вв. и Гарлемского ренессанса. Как квартеронка, Роза презирает уродливую черную Прю в романе Бичер-Стоу, так и у Хенц светолокожая Крисси подчеркивает, что она не черная, а цветная [Hentz: 268], и на этом основании презирает черную, как смоль, безобразную Джуди; в свою очередь, Джуди высказывает презрение к «желтым ниггерам» — ни черным, ни белым.

Контакт рас занимает немалое место в «лекциях» Морленда, обращенных к молодой жене, которой предстоит войти в роль хозяйки дома и плантации. В частности, в этих «лекциях» немалое место уделяется парадоксальным отношениям двух рас на Юге: подчеркивается незыблемость, неотменимость и непреходимость расовой границы и вместе с тем постоянство, глубинность и интимность контакта — бытового, эмоционального, тактильного — белых и черных на Юге. Белый южанин рождается, воспитывается и растет среди негров, которые являются для него такой же естественной частью окружающей среды, как климат и ландшафт. Он с младенчества учится понимать их, усваивает, в чем состоит его долг по отношению к рабам. Интересы и потребности белых и черных, хозяев и рабов тесно переплетены. Они — одна семья, хотя это и не предполагает равноправия, как не может быть равных прав у детей и родителей. Сын Морленда и Юлалии, как его отец и дед, будет вскормлен черной кормилицей, вынянчен черными руками, чтобы стать «отцом и покровителем» черных рабов.

В «Хижине дяди Тома» акцентируется оппозиция «аристократизм-демократизм» и показывается парадоксальность расовых отношений на Юге: идейный расизм — бытовой демократизм (тесный контакт, тактильная интимность). Хенц подхватывает

тому, переставляя акценты и меняя систему оценок. Делая уступку демократическим принципам и идее естественного права, она устами Морленда признает в негре человека, «брата» с такой же «бессмертной душой», но в то же время, апеллируя к принципам творения (не демократия, но иерархия), утверждает необоснованность эгалитарных претензий — ибо Бог сотворил народы и всех людей неравными, и негры занимают подчиненное положение «на шкале бытия». Примечательно высказывание о невозможности для белого южанина отделить свое существование от негров, подобно тому как невозможно «убежать от ночных теней». Образ «тени негра», падающей на белого южанина (и вообще на белого американца), станет топосом, который будет возникать и у великих авторов XX в. — У. Фолкнера, Р. Эллисона и др.

В отличие от южной модели постоянной тесной семейной близости при сохранении различий и неравенства, на Севере при формально провозглашенной свободе и равенстве негров между расами — огромная дистанция, непреходимая пропасть, отчуждение и враждебность, непонимание и отвержение. Главная проблема северян — это незнание и непонимание людей черной расы и, как следствие, — лицемерно маскируемое презрение, страх, ненависть, отвержение. Реальность межрасовых отношений здесь заменяется абстрактными схемами и принципами. Негры на Севере находятся в чуждой, неестественной для себя среде; отправляясь с Юлалией на Юг, Морленд подчеркивает, что вот теперь она наконец увидит негров такими, каковы они на самом деле, в нормальных, естественных условиях «обитания».

Подчеркивание различий в межрасовых отношениях на Севере и Юге подкрепляется фиксацией и заострением характерных черт, присущих «южному характеру» и «северному характеру» — двигаясь и здесь по пути, проложенному и Бичер-Стоу, и предшествующей традицией плантаторского романа. Хенц подчеркивает: особенности северного характера и северного общества делают невозможной социализацию там свободных негров — они не в состоянии адаптироваться к буржуазному обществу с его нацеленностью на успех и требованиями предприимчивости, ответственности, долга, воли, решимости. Бедственное положение люмпенизированных свободных негров и противопоставление их бедствий патриархальному, общинному традиционному укладу Юга с его надежностью и защищенностью — общее место плантаторского романа 1850-х гг.

Черты северного характера создают, по мнению южных апологетов, тип аболициониста-фанатика²³. Разработка этого типажа представляет собой яркую новацию ангажированного плантаторского романа 1850-х гг. Главная опасность аболиционизма, с точки зрения южного апологетического романа, — в противопоставлении Севера и Юга, что ведет к расколу страны. Не случайно в финале следует примерное наказание преступников — злодея лже-пастора Брейнарда и черного обманщика Вулкана, выдающего себя за жертву жестокого хозяина. Заканчивается роман назидательным сравнением Юга и Севера с деревом, у которого два ствола и общий корень [Hentz: 579].

Действительно, плантаторская и аболиционистская литература — два ствола, растущие из общего корня, который в XIX в. питает и «третий ствол» дерева — негритянскую литературу. Плантаторско-менестрельная традиция создает «характерологию» — ампула, через развитие и психологизацию которой в дальнейшем будет развиваться типизация. Она закладывает основы бытописательства, а также «мостит путь» к диалектно-регионалистской негритянской литературе конца XIX в. Сентиментально-романтический и благопристойный канон, общий для Юга и Севера, также усваивается черными авторами. В духе эпохи романтизма южная литература обращается к теме «расового характера», «гения расы» и ее истории. Именно в плантаторской традиции впервые появляются этнографические зарисовки «негритянской жизни» и очерки негритянского фольклора. Заинтересованное и серьезное отношение к безыскусному творчеству рабов, утверждение ценности этого наследия позволяют констатировать, что задолго до того, как Дюбуа в книге «Души черного народа» (1903) связал духовные дарования черной расы с ее фольклором, вначале плантаторский, а затем и аболиционистский роман сделали первые шаги в этом направлении.

Констатируя отличие попыток романтического определения «гения расы» от расовых теорий эры дарвинизма, евгеники и первой расовой войны (1870–1900-е гг.), необходимо подчеркнуть и их преемственность. Авторы 1850-х гг. — У. Симмс, К. Ли Хенц, Г. Бичер-Стоу и др. — предвосхищают многое из того, что будет отличительным знаком наступающей эпохи, в том числе и обостренное внимание к «расе» как совокупности устойчивых врожденных или приобретенных свойств.

²³ Подробнее об изображении аболиционистов в плантаторском романе см: [Морозова 2010; Морозова 2005: 18–19].

В 1850-е гг. плантаторская и аболиционистская линии резко поляризуются, и это подчеркивает как общее, так и отличное в них. Уже в 1830–1840-е гг. аболиционистская художественная литература вносит свой вклад в становящуюся негритянскую словесность: она закладывает традиции литературы протеста, дает ряд типов («трагическая полукровка», «мать-рабыня», беглецы и беглянки, рабы-герои, раб-трикстер), модернизирует ряд старых топосов («двух религий», «черного мессианства»). Аболиционисты активно используют документальные жанры (свидетельства, истории, автобиографии, признания), создают канон аболиционистских невольничьих повествований середины XIX в. и соединяют документальные жанры с художественной литературой.

Влияние южной традиции на негритянскую словесность было не менее глубоким и всесторонним, чем воздействие аболиционистской литературы. Плантаторско-менестрельная культура закладывает основы культурных и литературных моделей, которые (за неимением альтернатив) в XIX в. усваивали и видоизменяли как белые, так и черные авторы. Потому во всем, что касается изображения «негритянского характера», быта и повседневной культуры, за вычетом идейного антагонизма, между аболиционистской и южной плантационной литературой больше сходств, чем отличий. Это закономерно и лишь кажется парадоксом: ведь и та, и другая пользуются одной и той же общеамериканской моделью черной расы, хотя и в противоположных пропагандистских целях, и в результате одни и те же черты «негритянского характера» получают у них разную оценку. По-разному трактуется и происхождение этих черт: если плантаторская традиция склонна приписывать их врожденным свойствам черной расы, аболиционизм видит в большинстве из них влияние социальной ситуации — рабства в Новом Свете. Что касается негритянских авторов, то усвоение, развитие и трансформация «культурной матрицы», заложенной на Юге, развитой и дополненной на Севере, а затем и полемика с ней составляют главную интригу негритянской литературной традиции XIX — начала XX вв.

Рецепция «Хижины дяди Тома» негритянской критикой

Неоднократно отмечалось, что роман Бичер-Стоу спровоцировал не просто обилие рецензий и откликов, но и острые дискуссии (см., например: [Толмачёв 2010: 28–30; Морозова 2000: 369; Панова 2018]). Главное «сражение», естественно, разыгралось между аболи-

ционистами и апологетами рабовладения на Юге; однако не менее острая полемика возникла вокруг «Хижин дяди Тома» в афроамериканской литературе и публицистике. Отклики на роман и его оценки негритянскими авторами и общественными деятелями положили начало долгому процессу интерпретации и ре-интерпретации романа, которые он претерпел на протяжении более полутора веков в истории негритянской мысли. Роман, как и полемика вокруг него, стали частью негритянской словесности и культуры.

Хвалебную оценку «Хижине дяди Тома» дал Фредерик Дуглас. В своих рецензиях и статьях²⁴ Дуглас подчеркивает огромную роль романа в просвещении нации относительно рабства и его страшных сторон, силу эмоционального воздействия на читателя, отмечает убедительность и правдоподобие, основанные на реальных фактах. Дуглас положительно оценивает созданных писательницей чернокожих и цветных героев; главным он считает, что эти персонажи достойно представляют черную расу: их нравственные качества, личные свойства, сложность и глубина характеров, а также образованность, хорошее воспитание привлекают читателя, вызывают сочувствие и уважение к этим людям. Два главных достоинства книги Бичер-Стоу для Дугласа: 1. интеграционистский пафос (и в первую очередь признание за неграми всей полноты человеческой природы и способности к социализации и восприятию культуры); 2. «благопристойность» (*gentility*) — этот критерий цивилизованности и культурной полноценности, которой наделяются негритянские персонажи.

Примечательной стала дискуссия между Мартином Делани и Фредериком Дугласом в газете *Frederick Douglass' Paper*. В первом письме в редакцию²⁵ радикально настроенный Делани резко возражает против вмешательства белых в дела черных, настаивая на принципе «самопомощи», и призывает полагаться на лидеров расы, на лучших ее представителей, а не «расово чуждых» благотворителей.

Я просто хочу сказать, что мы все время совершаем огромную ошибку, когда обращаемся к чужим, а не к тем из нас, кто обладает умом и опытом; и при всем уважении к миссис Стоу, я все же ос-

²⁴ См., например, краткую рецензию Ф. Дугласа на публикацию романа отдельным изданием и статью «День и ночь в хижине дяди Тома» 4.03.1853. (*Frederick Douglass' Paper*. April 1, 1852, March 3, 1853).

²⁵ *Frederick Douglass' Paper*. April 1, 1853. Письмо М. Делани опубликовано с комментариями Ф. Дугласа. Далее цитаты приводятся по этому источнику.

мелось сказать, что она ничего не знает о нас, свободных цветных в Соединенных Штатах, как, впрочем, и все белые, которые поэтому не могут предложить успешных решений для улучшения нашего положения — это должны делать мы сами... Почему бы, в конце концов, нашим лидерам самим не выдвинуть предложения по улучшению положения нашего народа и не *обратиться за советом* по этому вопросу к наиболее компетентным *нашим* братьям?

В ответе редакции Делани был подвергнут резкой критике за эти идеи, несовместимые с интеграционистскими устремлениями газеты. Призыв полагаться на собственные силы, отказ от помощи белых были расценены как «покушение с негодными средствами»:

Мы желаем всей душой, чтобы цветные договорились между собой и решили что-нибудь сделать для собственного блага и блага своей расы; но пока они этого не достигли, было бы неразумно и неблагоприятно с их стороны... окатывать холодным душем тех, кто предлагает планы и прикладывает усилия во имя этой цели. Презрительный отказ от помощи наших белых друзей и заявления, что они не заслуживают нашего доверия, выглядят впечатляюще на бумаге; однако покамест нет фактов, доказывающих нашу независимость и способность самим позаботиться о себе, к чему демонстрировать такую самонадеянность?.. Почему мы должны возражать против попыток со стороны миссис Стоу или кого бы то ни было сделать что-нибудь для нас? Утверждение, что миссис Стоу «ничего не знает о нас», доказывает лишь, что брат Делани ничего не знает о миссис Стоу; в противном случае он не стал бы так явно попираť мораль и здравый смысл.

В следующих двух письмах Делани поднимает более частные вопросы, которые также показательны для идеологии этноцентризма. Во втором письме²⁶ это, прежде всего, требование гонораров и признания для негров, послуживших прототипами героев Бичер-Стоу (авторы невольничьих повествований Джосайя Хенсон — «дядя Том», Генри Бибб с женой — «Джордж и Элиза Гаррис», Льюис и Мильтон Кларк — «Касси и Эммелина» и др.). Другое замечание — критика использования автором негритянского диалекта:

²⁶ *Frederick Douglass' Paper*. April 29, 1853.

«негритянский диалект», которым автор заставляет говорить дядю Тома, придает больше правдоподобия персонажу — черному рабу; однако хочу заметить, что отец Джосая Хенсон пользуется таким же правильным языком, как и тысячи других американцев. Смысл замечания, конечно, связан с расовой гордостью и утверждением культурной полноценности негров.

Однако уже в первые послевоенные годы начнется освоение негритянскими авторами «расового диалекта» вслед за белыми коллегам по цеху.

Наконец, в последнем, третьем письме²⁷ содержится критика Бичер-Стоу как сторонника проекта колонизации Африки. Делани противопоставляет Либерию, «маленькое зависимое» (от белых) поселение колонизаторов, Гаити — «единственной по-настоящему свободной и независимой негритянской нации... на поверхности земли». Высказываясь по проблеме образования негров, которую поднимает Бичер-Стоу, Делани требует, чтобы в негритянских учебных заведениях преподавали черные и цветные учителя, считая, что для черной расы это первый шаг к самоуважению и самоидентификации: «Все отвратительные и грубые предрассудки касательно цвета кожи, которые у нас в ходу, порождены белыми и усвоены от них...». В ответ Дуглас инкриминирует Делани зеркально-симметричные расовые предрассудки — предпочтение «своих» «чужим» по расовому принципу. Заостряя в ответе «брату Делани» свои интеграционистские тезисы, Дуглас объявляет нереальным и «преждевременным» требование «черного диктата» «белым союзникам» (Делани считает, что не белые должны говорить неграм, что делать, а наоборот). Дуглас констатирует раскол негритянского населения и отсутствие единства и организованности, указывает на абстрактность местоимения «мы», которое употребляет Делани, говоря о «неграх», «черной расе»:

Брат Делани говорит, что не следует ничего делать для нас или предпринимать ради нас, не советуясь с нами. Но где искать «нас», чтобы посоветоваться? Через какую организацию, по какому каналу должны происходить эти консультации? Или он имеет в виду всех

²⁷ *Frederick Douglass' Paper*. May 6, 1853. Письмо М. Делани опубликовано с ответом Ф. Дугласа.

негров вообще, и что ничего нельзя предпринять, не спросив мнения у каждого чернокожего в нашей стране? [...] Мы — расколотый, разобщенный народ; это факт, который надо признать, брат Делани, как и то, что немалая доля ответственности за эту разобщенность ложится на Вас и на автора этих строк. Мы должны больше доверять друг другу...

Эта принципиальная дискуссия содержит базовую модель полемики интеграционистов и этноцентристов, которая будет постоянно воспроизводиться в негритянской словесности на протяжении XIX–XX вв. [New Essays 1986]. Подобная полемика вспыхивает с особым ожесточением, когда появляется значительное произведение белого автора, посвященное расовому вопросу; роман Бичер-Стоу (1852), «Черномазый раек» Карла Ван Вехтена (1926), «Признания Ната Тернера» У. Стайрона (1967) — наиболее яркие примеры.

Полемика Дугласа и Делани отражает основной вектор обсуждения романа Бичер-Стоу в негритянской публицистике предвоенного времени. Одновременно начинают появляться стихотворные отклики — это в основном «приношения» и «посвящения» автору и героям романа, стихотворные «переложения» тех или иных сцен. Так, Фрэнсис Эллен Уокинс-Харпер публикует несколько стихотворений, вдохновленных романом Бичер-Стоу, — трогательные «Элиза Гаррис» (“Eliza Harris”, 1853)²⁸ и «Прощание Евы» (“Eva’s Farewell”, 1854)²⁹, «К миссис Гарриет Бичер-Стоу» (“To Mrs Harriet Beecher Stowe”, 1854)³⁰. Поэтические отклики продолжают появляться и в послевоенное время. В конце века Пол Данбар в стихотворении «Гарриет Бичер-Стоу» (“Harriet Beecher Stowe”, 1898)³¹ подчеркивает ее «пророческий» и «властный» тон (command and prophecy were in the tone) и называет ее «пророком и проповедницей» (a prophet and a priestess). Однако уже в XIX в. появляются первые признаки будущей кардинальной переоценки романа — и образа главного героя. Молодой поэт из Джорджии Джаспер Холлоуэй (J.W. Holloway, 1865–1935) в стихотворении «Визит в хижину дяди Тома» (“A Visit to Uncle

²⁸ Впервые опубликовано в: *Frederick Douglass’ Paper*. December 23, 1853.

²⁹ Вошло в сборник: Harper, Frances Ellen W. *Poems on Miscellaneous Subjects*. Philadelphia, PA: Merrihew & Thompson, 1857: 32.

³⁰ Впервые опубликовано в: *Frederick Douglass’ Paper*. Jan. 27, 1854.

³¹ Впервые опубликовано в: *The Century Magazine*. Nov., 1898.

Tom's Cabin», 1894)³² создает отталкивающий образ дяди Тома — это домашний тиран, который бил свою жену, требовал полной покорности от детей, во времена рабства был надсмотрщиком. Дядя Том у Джаспера — «пережиток рабства» воплощающий все самые отвратительные его черты: низкопоклонство и деспотизм, грубость и высокомерие, дремучее невежество, убежденность в собственной непогрешимости и праве поучать всех вокруг.

В эпоху Гарлемского ренессанса роман во многом воспринимался уже сквозь призму популярной культуры — сценических постановок, минстрел-шоу, кинематографа³³, песен, стихов, переложений для детей, игр, декоративных изделий, игрушек, но тем не менее не переставал вызывать споры и столкновение мнений и оценок. Примечателен отзыв о книге Бичер-Стоу в романе Джеймса У. Джонсона «Автобиография бывшего цветного» (1912), раскрывающий амбивалентность восприятия романа в эпоху «нового негра» и значимость его для самосознания чернокожего американца:

Что касается меня, я никогда не был поклонником дяди Тома и подобных достоинств; но я охотно верю, что среди старых негров было множество отличавшихся такой же глупой добродетельностью... Не будем забывать, что автор также изобразила ленивых и злых негров и рабовладельца — христианина и джентльмена... что она вывела довольных, поющих и танцующих черномазых и мать-рабыню, горящую о своем ребенке, которого продали «в низовья реки». Не будет преувеличением сказать, что «Хижина дяди Тома» представила честную и реальную картину рабства; мне же она открыла глаза на самого себя и показала мне, кто я такой, и кем меня считают в моей родной стране...³⁴

О «Хижине дяди Тома» упоминает негритянский литератор и педагог Бенджамин Броли (Benjamin Brawley, 1882–1939) в своей авторитетной «Краткой истории американских негров» (1924)³⁵;

³² Опубликовано в: *The American Missionary* 48: 10 (October 1894): 362.

³³ Первый кинофильм датируется 1903 г.; между 1903 и 1927 гг. было снято не менее 9 фильмов по мотивам книги. См.: [UTC]: <http://utc.iath.virginia.edu/onstage/films/mv03hp.html>.

³⁴ Johnson, James Weldon. *The Autobiography of an Ex-Colored Man*. Boston, MA: Sherman, French & Company, 1912: 39–40.

³⁵ Brawley, Benjamin. *A Short History of the American Negro*. New York: The

негритянский писатель, поэт и литературный критик Уильям Стэнли Брейтуэйт (William Stanley Braithwaite, 1878–1962) в статье «Негры в американской литературе», вошедшей в знаменитую антологию А. Локка «Новый негр» (1925)³⁶, отмечает, что книга Бичер-Стоу, как и вся довоенная американская литература, в изображении негров следовала стереотипам и не могла дать «последовательного, серьезного и глубокого исследования жизни и характера негра» — поэтому, несмотря на сочувствие к угнетенной расе и призыв к справедливости, Брейтуэйт признает роман «художественной неудачей» и полагает, что он ничего не может дать современному читателю. Еще резче отзываясь о книге Бичер-Стоу Уоллес Терман в одной из критических заметок, которые он публиковал в журнале *Fire!!*. Терман констатирует, что негр и в 1920-е гг. остается для современной литературы комическим типом в соответствии с парадигмой, заданной еще в предвоенном романе, в том числе у Бичер-Стоу:

...все негры, которые появляются в современной литературе, изображаются так же комически и фальшиво, как и в старой школе, где белые писатели в псевдо-юмористическом и сентиментальном духе выводили своих дядюшек Томов, Топси и черных кормилиц³⁷.

Значимыми обращениями к роману Бичер-Стоу ознаменовался и следующий период истории негритянской литературы (середина 1930-х — 1950-е гг.) с его движением от романа протеста к экзистенциализму³⁸. В 1938 г. выходит сборник рассказов Ричарда Райта «Дети дяди Тома» (*Uncle Tom's Children*) — шесть историй о расизме, полных изображения насилия, жестокости, страха, смерти. Значимые оппозиции для всех рассказов — покорность / сопротивление, униженность / гордость, обман / истина, утрата / обретение свободы; сквозные лейтмотивы — бегство, одиночество. Важное место занимает тема межрасовых сексуальных отношений и расово-сексуальных

Macmillan Company, 1924: 8–85.

³⁶ Braithwaite, William Stanley. "The Negro in American Literature." *The New Negro*. Edited by A. Locke. New York: Albert & Charles Boni, 1925: 30–31.

³⁷ Thurman, Wallace. "Fire Burns: A Department of Comment." In *Fire!! A Quarterly Devoted to the Younger Negro Artists* (Nov.1926). <http://utc.iath.virginia.edu/african/afeswtat.html>.

³⁸ Подробнее о восприятии и интерпретации романа Бичер-Стоу поколением 1930–1950-х гг. см.: [Dinerstein 2009].

стереотипов: стереотип «белый мужчина — негритянка» отсылает к эпохе рабства, к практике конкубината и промискуитета в отношениях хозяина и рабынь; «негр — белая женщина» — стереотип более позднего (послевоенного) происхождения, включающий угрозу линчевания, кастрации, насильственной смерти.

Очевидная преемственность топики с романом Бичер-Стоу, выраженная и в названии сборника, побудила Джеймса Болдуина объединить роман «давно умершей женщины из Новой Англии» и «современного негритянского романиста» в «наш общий роман протеста»³⁹. Оценки Болдуина полностью соответствуют духу времени, ценностным и эстетическим установкам писателей-интеграционистов 1940–1950-х гг.⁴⁰ Болдуин называет «Хижину дяди Тома» «очень плохим романом», полным «самодовольной, добродетельной сентиментальности» [Болдуин: 189]. Характеры героев лишены сложности, негритянские персонажи стереотипны; из трех главных негритянских персонажей Болдуин признает негром только дядю Тома; что касается Джорджа и Элизы, они лишь называются цветными, однако «они являются собой расу, отдельную от Топси», так как писательница изображает их «настолько белыми, насколько она в силах это сделать». Дядя Том «черен как смоль, волосат, неграмотен и обладает феноменальным терпением. Он черный и не должен быть другим, ведь лишь благодаря своему терпению он может выжить или восторжествовать... его триумф призрачен, нереален, поскольку черный, рожденный без света, лишь путем унижения... может приобщиться к Богу или человеку» [Болдуин: 191].

Главным пороком романа Болдуин считает слепое следование зловещей метафизике цвета, сложившейся в западной культуре: в оппозиции «белое-черное», связанной с теологическими понятиями «свет и тьма», второй член оппозиции означает тьму, дьявола, зло, грех. Чтобы вернуть негру его человеческую природу, необходимо

³⁹ Baldwin, James A. "Everybody's Protest Novel." *Partisan Review* 16: 6 (June, 1949): 578–585. Цит. приводятся по: Болдуин Дж.А. Наш общий роман протеста / пер. с англ. Т. Ротенберг // Болдуин Дж.А. Что значит быть американцем. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1990. С. 188–195. Номера страниц указаны в тексте статьи в скобках с пометой «Болдуин».

⁴⁰ Мысли, высказанные Болдуином, переключаются с основными идеями эссеистики Ральфа Эллисона, например, в эссе «Скрытое имя, трудный удел» ("Hidden Name and Complex Fate"), «Человеческое под маской негра» ("Black Mask of Humanity"), «Блюз Ричарда Райта» ("Richard Wright's Blues"), вошедших в сборник «Тень и действие» (*Shadow and Act*, 1964).

сделать его белым: Бичер-Стоу стремится очистить его от греха «черноты», облечь «в белые одежды спасения». Для Болдуина, рассматривающего роман сквозь призму своей современности, в единый комплекс увязываются черный цвет кожи, сексуальность, греховность и дегуманизация («бестиализация»): негр, подпавший под проклятие западной «метафизики», должен быть отбелен, десекуализирован (кастрирован) — и «спасен». Болдуин отмечает «асексуальность» дяди Тома: «Том, единственный черный мужской персонаж в романе, лишен своей человечности и мужского естества. Такова цена за клеймо черноты, которое он носит» [Болдуин: 192].

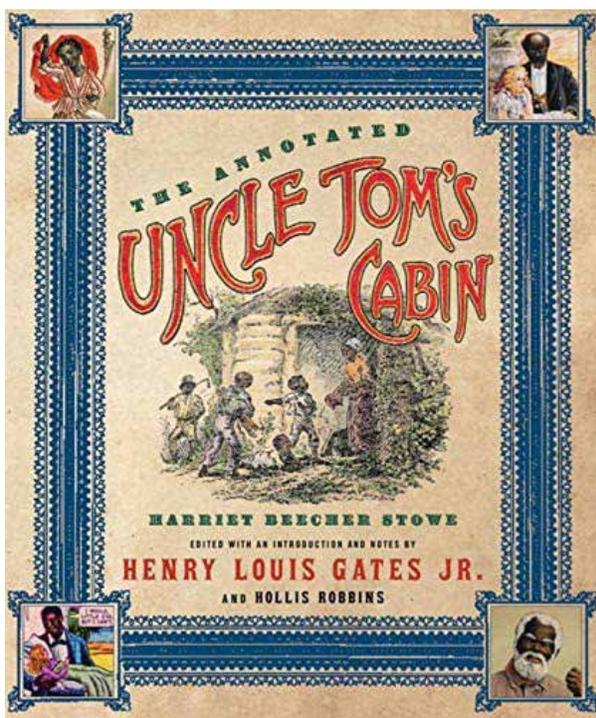
Яркий финал статьи Болдуина, рисующий «смертельное объятие» «негритянского романиста» Райта и «белой женщины из Новой Англии», слившихся в «клубке ярости и похоти», «бормочущих безжалостные проповеди» и «выкрикивающих проклятия» [Болдуин: 195], призывает к отказу от дегуманизирующей метафизики и стереотипов, побуждающих черного и белого «вожделеть смерти друг друга» и «заставляющее их сойти в яму вместе». Трагедия негра в Америке — дяди Тома или райтовского Биггера Томаса — состоит в том, что он дегуманизирован, обезчеловечен, так как «принял теологию, которая отказывает ему в жизни» [Болдуин: 196]. Трагедия белого — в жестокости, порожденном неизбывным комплексом вины, в нежелании признать в негре всю полноту человечности, в стремлении «отбелить» негра, отказав ему тем самым в праве быть самим собой.

Статья Болдуина стала поворотным моментом в судьбе романа: после нее акценты оказались окончательно переставлены⁴¹. «Хижина дяди Тома» теперь воспринимается в контексте литературы протеста и сопротивления, и христианский смысл романа становится «отягчающим обстоятельством», которое окончательно переводит Бичер-Стоу из лагеря друзей черной расы в стан ее врагов. Во главу угла ставится не принцип христианства, обезценивающий расу, социальное неравенство, пол и прочие временные, внешние различия перед фактом обожения человека («несть эллина, несть иудея...»), но принцип расы, которую вместе с «сексуальностью» стремится отнять у негра «белое христианство», только на этом условии обещая социальную и культурную полноценность, полноправное «членство» в цивили-

⁴¹ Помимо Г.Л. Гейтса, такого же мнения придерживаются и другие исследователи. См. например: [Williams 2001: 62].

зации. Окончательная трансформация аболиционистского романа в «антинегритянский», а дяди Тома из христианского мученика и героя в воплощение сервильности и расового предательства происходит в 1960-е гг., когда христианство объявляется «религией рабов и господ», и в оборот входит понятие «комплекса дядюшки Тома» (uncle Tomism) как сервильности и униженности. В радикальной риторике 1960-х гг. идеи Болдуина опрощаются, приобретают «плакатность» и прямоту, свойственную лозунгам и прочим агитматериалам.

Постшестидесятническая генерация афро-американских литературоведов вносит свой вклад в реинтерпретацию романа. Генри Луис Гейтс-мл., предпринявший комментированное издание «Хижины дяди Тома», отмечает, что эссе Болдуина было взято на

The Annotated Uncle Tom's Cabin by Harriet Beecher Stowe. Edited with an Introduction and Notes by Henry Louis Gates Jr. and Hollis Robbins. W.W. Norton & Co., New York, 2007.

вооружение движением «Власть черных» (Black Power), и именно черные радикалы-шестидесятники закрепили в культурном воображении целой нации негативный стереотип «дяди Тома» как «черного,

который слишком жаждет выслужиться перед белыми», «воплощения расового предательства», «объекта презрения», «козла отпущения для всех наших внутренних сомнений» [Annotated UTC 2007: xi–xxx]. Признавая «Хижину дяди Тома» «пра-текстом (ur-text) для изображения в художественной литературе американцев, разделенных расовым барьером», и «пра-текстом для американской мелодрамы» [Annotated UTC 2007: xviii], Гейтс декларирует намерение вернуть роману сложность и глубину, преодолеть плакатность стереотипов через помещение книги в исторический контекст и анализ ее рецепции в разные эпохи. Гейтс, казалось бы, стремится дезавуировать болдуиновский «приговор» роману Бичер-Стоу, выявляя зависимость самого Болдуина от «пра-текста»:

«Хижина дяди Тома» — великая книга... потому что это великая ревивалистская проповедь, направленная на обращение слушателей. Разве произведения Болдуина — не ревивалистские проповеди, точно так же направленные на обращение читателей?.. Болдуин — самый прямой литературный наследник Бичер-Стоу в XX веке [Annotated UTC 2007: xxix–xxx].

Однако эта критика вряд ли может отвлечь внимание от того очевидного факта, что все главные положения вводной статьи Гейтса восходят к болдуиновскому эссе и лишь развивают и «осовременивают» его основные идеи. Болдуин указывает на тесную взаимосвязь сентиментальности (мелодрамы) и сексуальности; Гейтс делает этот тезис базовым для своей интерпретации романа:

В девятнадцатом веке в довоенной Америке сентиментализм был единственным способом, с помощью которого Стоу могла писать о сексе, особенно о межрасовом сексе, и она именно это и делала, осознанно, или нет. Коротко говоря, сентиментальная форма Стоу выражает сексуальное содержание романа [Annotated UTC 2007: xx].

Вслед за Болдуином, Гейтс отмечает, что романистка наделяет сексуальностью Элизу и Джорджа, которые, формально считаясь цветными, изображаются как белые. Как и Болдуин, Гейтс констатирует «десекуализацию» Тома, но, в отличие от Болдуина, указывает, что это относится лишь к изображению супружеской пары «Том — Хлоя»; Болдуин, по мнению Гейтса, «не заметил сексуального подтекста»

[Annotated UTC 2007: xvii] в отношениях Тома и Евы — тема, которую Гейтс подробно развивает в предисловии. Гейтс останавливается на эпизодах спасения Томом упавшей за борт Евы, их совместном чтении Библии, убеждая читателя, что сцены физического контакта «широкоплечего, мускулистого» чернокожего курчавого Тома и ангелоподобной белой девочки с золотыми волосами и синими глазами — яркий пример того, как под маской сентиментальности «просвечивает» завуалированный сексуальный подтекст: «В конце концов сильные руки Тома, обнимающие тонкую талию белой девочки Евы, — центральный образ средней части книги. Стараясь замаскировать или подавить сексуальность, сентиментальность неизменно привлекает к ней внимание» [Annotated UTC 2007: xxi]. Рецепция «Хижин дяди Тома» в популярной культуре (минстрел-шоу, сценические постановки, комиксы, фильмы и т. д.), по мнению Гейтса, обнажает наличие в тексте романа завуалированных мечтаний новоанглийской пуританки о мисцегенации и межрасовой сексуальности. Несмотря на декларированный «историзм», Гейтс обходит молчанием тот факт, что подобные коннотации в адаптациях романа конца XIX–XX вв. возникают *post factum* на основе сложившейся в эру евгеники, дарвинизма и расовой войны на Юге (1890–1910-е гг.) топики «негритянской сексуальной угрозы»⁴².

Предложенная Г. Луисом Гейтсом амбивалентная интерпретация «Хижин дяди Тома» в духе разработанного им концепта трикстерского «двухголосия» афроамериканской традиции, с одной стороны, способствовала реабилитации романа и возвращению его в американский канон; но, с другой стороны, его «субверсивная аффирмация», вероятно, открыла новую «эру подозрений», опять приглашая к пересмотру литературной репутации Бичер-Стоу и созданию новой «карты перечитывания» ее романа.

⁴² См. монографию, посвященную складыванию стереотипа о «негритянском насильнике» и «лилейно-белой женственности» [Williams 2001]. Два основных произведения, которые рассматриваются исследовательницей, — «Хижина дяди Тома» и фильм Д. Гриффита «Рождение нации» (1915) по романам Т. Диксона. Также см.: [Courtney 2005, Панова 2014 в].

ЛИТЕРАТУРА

Морозова 2010 — *Морозова И.В.* Аболиционизм и аболиционисты в женской прозе Старого Юга // Авраам Линкольн: Уроки истории и современность. М.: РГГУ, 2010. С. 74–83.

Морозова 2000 — *Морозова Т.Л.* Гарриет Бичер-Стоу // История литературы США. М.: Наследие, 2000. Т. 3. С. 354–380.

Морозова 2005 — *Морозова И.В.* Идеология старого Юга в романе К. Хенц «Северная невеста плантатора» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2005. Вып. 1. С. 15–24.

Орлова 1971 — *Орлова Р.Д.* Гарриет Бичер-Стоу. М.: Просвещение, 1971.

Панова 2014а — *Панова О.Ю.* Менестрельная традиция: моделирование образа негра в американской популярной культуре // Вопросы театра / *Proscenium*. 2014. № 1–2. С. 207–216.

Панова 2014б — *Панова О.Ю.* Моделирование образа черной расы в американской культуре и литературе рубежа 19–20 вв. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 1 (74). С. 78–81.

Панова 2014в — *Панова О.Ю.* Негритянская литература США 18 — начала 20 века: проблемы истории и интерпретации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.

Панова 2018 — *Панова О.Ю.* «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу в восприятии афроамериканцев // Вестник Пермского университета. Сер. «Российская и зарубежная филология». 2018. Т. 10, № 2. С. 111–121.

Толмачёв 2010 — *Толмачёв В.М.* Хэрриет Бичер-Стоу и ее роман «Хижина дяди Тома или Жизнь среди униженных» // *Бичер-Стоу Г.* Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных / пер. Н.А. Волжиной, под ред. В.М. Толмачева. М.: Изд-во Срегенского монастыря, 2010. С. 5–40.

REFERENCES

Annotated UTC 2007 — *The Annotated Uncle Tom's Cabin* by Harriet Beecher-Stowe. Edited with an Introduction and Notes by Henry Louis Gates Jr. and Hollis Robbins. New York; London: W.W. Norton & Co., 2007.

Courtney 2005 — Courtney, Susan. *Hollywood Fantasies of Miscegenation. Spectacular Narratives of Gender and Race, 1903–1967*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.

Dinerstein 2009 — Dinerstein, Joel. “‘Uncle Tom Is Dead!’: Wright, Himes and Ellison Lay a Mask to Rest.” In *African American Review* 43, no. 1 (Spring, 2009): 83–98.

Fredrickson 1971 — Fredrickson, George. *Black Image in the White Mind: The Debate Over Afro-American Character and Destiny, 1817–1914*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1971.

Frick 2007 — Frick, John. *Uncle Tom's Cabin* on the Antebellum Stage. 2007. <http://utc.iath.virginia.edu/interpret/exhibits/frick/frick.html>

Gosset 1985 — Gosset, Thomas F. *Uncle Tom's Cabin and American Culture*. Dallas, TX: Southern Methodist University Press, 1985.

Morozova 2010 — Morozova, Irina. “Abolitsionizm i abolitsionisty v zhenskoi proze Starogo Iuga” [“Abolitionism and Abolitionists in the Old South Women's Writings”]. In *Avraam Linkol'n: Uroki istorii i sovremennost'* [Abraham Lincoln: Lessons of History and the Contemporary World], 74–83. Moscow: Russia State University for the Humanities Publ., 2010. (In Russ.)

Morozova 2000 — Morozova, Tatiana L. “Harriet Beecher Stowe.” In *Istoriia literaturny SShA* [History of the USA Literature], vol. 3, 354–380. Moscow: Nasledie Publ., 2000. (In Russ.)

Morozova 2005 — Morozova, Irina. “Ideologiia starogo Iuga v romane C. Hentz Severnaia nevesta plantatora” [“Old South Ideology in Caroline Hentz's Novel *The Planter's Northern Bride*”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, series 9: Philology, oriental studies, linguistics”, no. 1 (2005): 15–24. (In Russ.)

Moses 1982 — Moses, Wilson J. *Black Messiahs and Uncle Toms: Social and Literary Manipulations of a Religious Myth*. University Park, PA; London: University of Pennsylvania Press, 1982.

New Essays 1986 — *New Essays on “Uncle Tom's Cabin”*. Edited by E.J. Sundquist. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Orlova 1971 — Orlova, Raisa. *Harriet Beecher Stowe*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971. (In Russ.)

Panova 2018 — Panova, Olga. “*Khizhina dyadi Toma* Garriet Bicher-Stou v vospriyatii afroamerikantsev” [“*Uncle Tom's Cabin* by Harriet Beecher Stowe: African American Responses”]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Seria “Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya” 10, no. 2 (2018): 111–121. (In Russ.)

Panova 2014 a — Panova, Olga. “Menestrel'naia traditsiia: modelirovanie obraza negra v amerikanskoj populiarnoi kul'ture” [“Blackface minstrelsy: modelling black image in the American popular culture”]. *Voprosy teatra / Proscaenium*, no. 1–2 (2014): 207–216. (In Russ.)

Panova 2014 b — Panova, Olga. “Modelirovanie obraza chernoj rasy v amerikanskoj kul'ture i literature rubezha 19–20 vv.” [“Blackamerican racial model in American culture / literature of the progressive era, 1880–1910”]. In *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [The Humanities and Social-Economic Sciences], no. 1 (74) (2014): 78–81. (In Russ.)

Panova 2014 v — Panova, Olga. *Negritianskaia literatura SShA 18 — nachala 20 veka: problemy istorii i interpretatsii: dis. ... doktora filol. nauk* [*Black American Literature, 18th — early 20th centuries: Problems of History and Interpretation*, PhD diss.]. Lomonosov Moscow State University, 2014.

Tolmachev 2010 — Tolmachev, Vasily. “Harriet Beecher Stowe i ee roman *Khizhina diadi Toma ili Zhizn' sredi unizhennykh*” [“Harriet Beecher Stowe and Her Novel *Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly*”]. In Beecher Stowe, H. *Khizhina diadi Toma ili Zhizn' sredi unizhennykh* [*Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly*], translated by N.A. Volzhina, edited by V.M. Tolmachev, 5–40. Moscow: Sretenskii monastyr' Publ., 2010. (In Russ.)

UTC — *Uncle Tom's Cabin and American Culture: A Multimedia Archive*. Directed by Stephen Railton, Dept of English, University of Virginia. <http://utc.iath.virginia.edu/sitemap.html>

Williams 2001 — Williams, Linda. *Playing the Race Card: Melodramas of Black and White from Uncle Tom to O.J. Simpson*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

Yellin 1972 — Yellin, Jean Fagan. *The Intricate Knot: Black Figures in American Literature, 1776–1863*. New York: New York University Press, 1972.

© 2022, О.Ю. Панова

Дата поступления в редакцию: 28.08.2022

Дата одобрения рецензентами: 03.10.2022

Дата публикации: 25.12.2022

© 2022, Olga Yu. Panova

Received: 28 Aug. 2022

Approved after reviewing: 03 Oct. 2022

Date of publication: 25 Dec. 2022